

Влад Полевой



Боевая фантастика



ПРОТОКОЛ  
«ШТОРМ»

Влад Полевой  
**Протокол «Шторм»**

«Автор»

2015

## **Полевой В.**

Протокол «Шторм» / В. Полевой — «Автор», 2015

Павел Кочетков приезжает в город на заработки и по протекции дядюшки, высокопоставленного чиновника, получает работу водителя в одном из полицейских участков. Отдел, к которому приписан Пашка, имеет порядковый номер шестьдесят два и занимается, в общем-то, обычным делом, ловит преступников, за одним лишь исключением – все эти преступники являются незваными гостями из параллельных вселенных или "параллельщиками".

© Полевой В., 2015

© Автор, 2015

## Влад Полевой

# Протокол «Шторм». Начало

Запах гари ударил в ноздри, и Кочетков, поморщившись, осторожно ступил на перрон Московского вокзала. Не то чтобы Пашка был брезглив. Нет, он спокойно относился ко всяческого рода неровностям в жизни, грязи в обществе и под ногами. Для него это была данность, круговерть жизни, заведомо заложенные в игру правила.

За свою жизнь длиной в немногие двадцать семь лет, парень поменял немало мест работы, стараясь найти собственный путь. Не гнушался, кстати, и самой тяжелой, грязной, а порой и неблагодарной. Однако как легкий, так и тяжелый путь удовлетворения Кочеткову не принесли, и теперь, покинув родной городишко с парой тысяч в кармане и клочком бумаги, на котором неровным почерком родителя был выведен заветный адрес, Кочетков прибыл в северную столицу.

Вместе с запахом гари, Пашку оглушили ароматы потных невымытых тел, бензиновый смрад, коптящая воздух урна, из которой поднимался дымок от непотушенной сигареты, успевшей подпалить остальное содержимое. Все это создавало такой букет, от которого голова шла кругом, а желудок, не обремененный пищей, выкручивало в дугу. Как-никак двое суток по чугунке. Лапша быстрого приготовления и вареные яйца были быстро съедены и уже забыты. Определенного плана Кочетков не имел, одни сумбурные мысли и радужные надежды на возможности большого города. Работы много, зарплаты другие, и вообще – культурные люди, живущие в прекрасном городе. Все это в Пашкиной голове сложилось в некую фантастическую картинку, и он, человек добродушный, очень быстро за это поплатился.

– Подходи, попытай удачу. Ловкость рук, острый глаз, раз – и денежка при вас. Кто хочет зашибить легкую деньгу, подходи, помогу!

Призывные крики неприметного паренька в вязаной шапочке, надвинутой до самых бровей, и безразмерной кожаной куртке, Кочетков услышал, едва нога ступила на асфальтированный перрон. Шоу происходило на переносном столике, вокруг которого столпились возбужденные зеваки. На коричневой пластиковой поверхности лежали три карты, и крупье с потрясающей ловкостью перемешивал их, предлагая найти загаданную. Пашка остановился и с интересом, с высоты своего двухметрового роста, взглянул на происходящее.

Статный мужчина лет сорока, в дорогом пальто, прижав к груди кожаный саквояж, с надеждой взирал на мельтешение рук прохиндея в вязаной шапке.

– Ну что, папаша? – Виртуоз взглянул на азартного гражданина с хорошим достатком. – Выбрал карту?

Мужик ткнул пальцем в ближайшую, и паренек, перевернув ее, продемонстрировал всем трефовый туз.

– Запомнил?

– Да.

– Сколько ставишь?

– Пятьсот.

– Точно? Деньги покажи. Мы на деньги, папаша, играем, не на интерес.

Новенькая хрустящая купюра легла на раскладной столик и тут же, не особо задерживаясь, исчезла в кармане безразмерной кожаной куртки.

Руки фокусника замелькали, будто взбесившийся миксер. Карты, как живые, перескакивали с места на место, однако взгляд Кочеткова цепко следил за выигрышным тузом, и вот, когда представление закончилось, Кочетков четко знал, где лежит заветная карта.

– Какая? – хитро прищурился вокзальный делец, и гражданин в пальто ткнул в одну из трех.

– Вот эта, – палец гражданина уперся в карту, и Пашка обомлел. Ну, не та была карта, гарантированно не та. Только безглазый идиот мог не проследить пусть даже за быстрыми, но вполне логичными действиями вокзального крупье. Вот же она, рядом лежит, ну же. Только протяни руку, только укажи на нее, и пятьсот рублей, умноженные на ставку «шапочки» у тебя в кармане.

– Уверен? – снова хитро прищурился парень и, получив утвердительный кивок, перевернул карту рубашкой вниз, обнажив потрепанную сущность пиковой шестерки. – Проиграл, папаша. Будешь отыгрываться?

– Буду, – закивал мужик в пальто, снова протягивая пятисотенную купюру. – Мешай давай.

Таким образом Пашка стал свидетелем того, как гражданин остался с носом, а парнишка за столом обогатился сначала на два, а потом и на четыре бумажных денежки.

– Ну что же ты делаешь? – не выдержал Кочетков, когда гражданин с сумкой в который раз неверно ткнул в предложенный расклад. – Вот же он твой туз, рядом лежит!

– Так, – нахмурился паренек в безразмерной куртке. – Не играешь, не мешай. Если такой умный, то сам сначала попробуй, а потом будешь встречать со своими предложениями.

– А хоть бы и попробую, – ни с того ни с сего завелся Пашка. – Вот эта карта, вот. – Палец Кочеткова уткнулся в нужную рубашку. – Переворачивай давай.

– Э, нет, – сухая, с виду хрупкая, но на поверку удивительно сильная ладошка игрока накрыла Пашкину кисть. – Мы тут так просто не играем. У нас тут денежка звенит. Играешь, ставь банкноту. Деньги свети.

– Да вот, – Кочетков покопался в кармане и припечатал к складному столику мятую сотню. – Сто рублей.

– Хорошо, – кивнул парнишка. На лице его промелькнула глумливая улыбка, а в глазах сверкнул озорной огонек. – Выбирай карту.

– Да эта же, – Пашка вновь постучал по карте.

– Проверяем, – перевернув карту, «шапочка» изобразил на лице неподдельное удивление. Туз в нужном месте присутствовал. Толпа вокруг загудела, загомонила, послышались даже жиденькие аплодисменты с «камчатки». Было приятно.

– На вот, – вокзальный крупье отсчитал из пухлой пачки купюр две сотни и, присовокупив их к Пашкиной мятой, подвинул к краю стола. – Новичкам везет. Если еще играть будешь, то денежку ставь. Нет, так иди куда шел и честных людей не отвлекай. Мое время дорого.

Что-то еще шевелилось в голове у Кочеткова, громко и надсадно призывая к осторожности, но азарт, вещь сильная, брал свое.

– Вот и буду, – воодушевился Кочетков внезапно барышу. – Вот тебе еще сотня.

– Карта?

– Эта.

Снова аплодисменты и похлопывания по плечу. Снова восторженное бормотание.

– Еще?

– Давай.

Азарт – штука заразная, вроде кори, а то и похуже. Едва подхватишь его, и потом уже не остановиться, а когда понимаешь, что что-то пошло не так, поздно, и приходится расхлебывать последствия. Можно одернуть себя, остановиться, но кто же остановится, когда звонкая монета самоходом так и прыгает к тебе в карман?

Не миновала эта скорбная участь и Кочеткова. С ходу выиграв почти четыре тысячи рублей, Пашка начал стремительно продувать сначала выигрыш, а потом и свои кровные, которых и без того было не густо. Карту он угадывал сначала с удивительной точностью, потом через раз, а позже и вовсе перестал ориентироваться. Руки мошенника мелькали над столом со скоростью света, три заветных карты вытворяли над деревянной поверхностью замыслова-

тые пируэты и, осечка за осечкой, вытягивали из кармана простодушного здоровяка редкие купюры, пока тот не спохватился, но было уже поздно. Сумма, выданная родителем на первое время, надежно обосновалась в бездонных карманах «шапочки». И тут, как в любом повествовании, на Кочеткова снизошло прозрение. Читал он об этом, слышал, а тут так бездарно попался. Как лоха развели. Как последнего простофилю. День бы назад он начисто отрекался от такой судьбы, рассмеявшись в лицо любому, кто таковую ему предрек бы.

– Дурят, – процедил сквозь зубы Кочетков и, перехватив коротышку за шиворот, принялся переворачивать карты на столе. Естественно, заветного туза, за которым тщетно гонялся Пашка, не оказалось, зато тот обнаружился в широком рукаве кожаной куртки проходимца. Тряхнув «шапочку» посильнее, Кочетков с неким злорадством наблюдал, как карта, заложив неспешный вираж, медленно опустилась на грязный асфальт.

– Помогите, – вдруг истошно завизжал мошенник. – Полиция!

– Зови-зови, – оскалился Кочетков, хищно скаля крепкие ровные зубы. – Сейчас полиция придет, быстро объяснит, что к чему.

– Гражданин, – чья-то крепкая рука опустилась на плечо Кочеткова, и в мгновение ока, почувствовав острую боль в боку, горе-игрок очутился рядом с картой, а точнее придавил ее носом.

– Эээээ! – возмущению Пашки не было предела. – Меня тут обкрадывают, а вы со мной, как с бандитом.

Однако полицейские разбираться не стали.

– Вот же, – завыл Пашка, когда на его запястье начали прилаживать наручники. – Вон стол с картами, а вон жулик. Туз у него в рукаве. Он его там прячет и дурит всех. Вон хоть у того гражданина в пальто спросите...

Однако ни гражданина в пальто, перед этим потерявшего солидную сумму, ни самого импровизированного карточного стола, ни карт в поле зрения не оказалось. Более того, исчез даже тот туз, на который Кочетков пристроился лицом. Ловко, что уж говорить.

– Что происходит? – не выпавшийся старшина с трехдневной щетиной отделился от ларька с беляшами и неспешно, вразвалочку, подошел к Пашке, над которым склонились пара сержантов, едва сдерживая здоровяка от неразумных действий в сторону представителей власти.

– Грабят, товарищ старшина, – не моргнув глазом, соврал «шапочка», тыча в Пашку пальцем. – Шел себе, никого не трогал...

Если бы Кочетков мог оторвать голову от земли, то увидел бы, как вдвое сложенная купюра перекочевала из руки шулера в мозолистую длань власти предержащих.

– В опорный пункт его, – распорядился старшина и, развернувшись, устремился на запах беляшей, а захлебывающегося от негодования и обиды Кочеткова вздернули на ноги и потащили в сторону недавно покинутого вокзала.

– За что взяли? – Веселый парнишка лет шестнадцати, с надвинутой на глаза кепкой и в ярких кедах на ногах, сидел напротив Пашки и с интересом оглядывал вновь прибывшего арестанта. Здоровенный, темноволосый, с острыми скулами и выпяченным вперед подбородком, Кочетков мог бы быть похож на аристократа, графа или князя, или на актера с амплуа любовника, за одним исключением – картину портили глаза.

Ну, не вязались они с общим обликом Кочеткова, хоть ты тресни, и как говорил суровый родитель, отправивший отрока в дальнюю дорогу, перешли к нему по наследству от бабушки. Когда Пашка был маленький, то очень живо представлял, как пожилая старушка вынимает свои «очи ясны» и, складывая их в конверт, пишет аккуратным ровным почерком: «Внучку Пашеньке, в наследство, от любящей башки Алевтины».

– Ну так за что взяли?

Вопрос застал Кочеткова врасплох.

– Да ни за что вроде, – честно признался он подростку, однако в ответ услышал только веселый смех.

– Все мы здесь ни за что, – охотно пояснил сокамерник причину своего веселья. – Так уж повелось. Однако?

– Не в том месте и не в то время, – сухо отрезал Пашка. Парень ему откровенно не нравился. Конечно, в опорный пункт попадают не каждый день, и далеко не любой, на это нужно сделать поправку. Однако за блеском глаз, показной бравадой и модными шмотками явно ощущалась некая фальшь.

– Суров, – усмехнулся мальчишка, выставив напоказ ряд белых ровных зубов – таких, что можно увидеть разве что в рекламе стоматологической клиники.

На этом, впрочем, их общение и закончилось. Паренек приставал к Пашке еще какое-то время, пока не понял, что собеседника из того не получится, и, отстав, принялся насвистывать себе под нос, предоставив Кочеткова самому себе.

Вскоре появился сержант, но уже другой, не из вокзальных стражей, гладко выбритый и в новой форме, поблескивая свеженькими лычками на плечах. В руке полицейский держал бумагу, которую Пашка идентифицировал как протокол.

– Гражданин Кочетков, Павел Андреевич? – поинтересовался сержант из-за стальных прутьев, с сомнением осматривая крепкую фигуру задержанного.

– Ну? – хмуро кивнул Пашка.

– В город зачем прибыли?

– Работу искать.

– И много нашли? – ирония в словах полицейского скользнула еле заметно, но острый слух Кочеткова слова резанули хуже ножа. Выходит, не работу себе нашел, а неприятности на ровном месте, да еще и денег лишился. Дома такого точно не могло произойти. На районе Кочеткова уважали за пудовые кулаки, добрый нрав и отзывчивость, и даже самая прожженная шпана старалась здороваться с Пашкой и лишний раз проказ при нем не учинять. Тут же и город другой, и люди, и даже жулики. Что уж говорить, культурная столица.

– Молчишь, значит. – Сержант сменил гнев на милость и, покачав головой, пошел к входной двери.

– Долго держать-то будут? – взмолился Кочетков из-за прутьев. Перспектива остаться в клетке с новым словоохотливым другом не впечатляла.

Полицейский на секунду остановился и пожал плечами.

– В протоколе написано, что ты по двадцать один, часть вторая. Дадут тебе пятнадцать суток, и потопашешь в изолятор. К концу месяца свободен будешь аки сопля в полете.

– И адвокат мне не положен?

– Если настаиваешь, – нехотя пожал плечами полицейский. – Но это не ко мне. Начальство поутру придет, с ним и потолкуешь.

– А звонок?

– Ну, ты, парень, я смотрю, попутал, – раздался довольный смешок из-за спины Кочеткова. – Прямо борзомер зашкалил. Я протестую, господин судья! Я требую звонок и бесплатного государственного защитника! Я...

Кочетков повернулся и так посмотрел на мальчишку, что тот посчитал за благо заткнуться и убраться в дальний угол клетки.

– Звонок можно, – вдруг легко согласился сержант, – только один раз и со своей мобилы. Принести?

– Неси, – обрадованно закивал Пашка. Какой никакой, а козырь в рукаве у него все же был.

Вечером пятницы тишину уютной квартиры полномочного представителя президента в северо-западном федеральном округе, Дениса Панкратовича Кочеткова, нарушила телефонная трель мобильного аппарата. Жил Денис Панкратович с некоторых пор один, в трехкомнатной квартире на Васильевском острове, оставив бывшей супруге жилплощадь в Москве и дачный домик в Карловых Варах. Но, оставшись один, особо не отчаялся, а строил существование по старым холостяцким законам. Поддержание порядка и готовку перепоручил домработнице, хотя та и раньше выполняла данные функции, по квартире ходил в трусах и смотрел футбол, прихлебывая немецкое пиво и соря чипсами на двуспальной кровати. В этот вечер Денис Панкратович прибыл с работы, отослав шофера домой, и, сбросив опостылевший за день костюм в прихожей, бодро прошествовал к холодильнику. Там на средней полке выстроились, призывно поблескивая стеклянными горлышками, волшебные пузырьки чисто мужского эликсира, кои он собирался употребить за просмотром футбольного матча «Зенит» – «Порта», транслировавшегося по телевизионному каналу в девять вечера. Устроившись в кресле и с наслаждением, впервые за последние двадцать лет, закулив в комнате, Денис Панкратович принялся щелкать телевизионным пультом, коротая время до начала долгожданной программы. Но тут из коридора, прямо из кармана полпредских брюк, заиграл похоронный марш, поставленный Кочетковым на все незнакомые ему номера телефонов.

Сначала он решил не обращать на поздний звонок внимания. Номер этот знали немногие и отлично понимали, что сам полпред не любит деловых разговоров во вне рабочее время. Следовательно, ошиблись номером, позвонят и успокоятся. Однако неизвестный настойчиво держал линию, и после четвертого повтора Денис Панкратович со вздохом отложил пульт в сторону и, тяжело поднявшись, зашлепал босыми ногами по испанскому паркету в сторону неприятностей. То, что вечерний звонок не может сулить ничего хорошего, полпред понимал отлично, а внутренняя дисциплина не позволяла окончательно отмахнуться от назойливого рингтона.

– Але. Кто это?

В трубке послышалось радостное кудахтанье и довольный голос из динамика сообщил:

– Дядя Денис, это я, Пашка!

Пашек Денис Панкратович знал троих. Первый, начальник следственного комитета при МВД Павел Андреевич Рубецкой, в данный момент был в опале и потому пребывал на Кубе, желая насладиться последними лучами солнца перед продолжительным вояжем по Сибири. Вторым Пашкой мог оказаться первый зам губернатора, Павел Валетов, мужчина средних лет, мышья серая, и потому смелости бы не набравшийся, чтобы позвонить самому полпреду. Третьим Пашкой являлся его старый школьный знакомый, Павел Марков, третьего дня скончавшийся в городской больнице от обширного инфаркта, и на чьих похоронах он присутствовал сегодня утром. Ни один из двух здравствующих господ не стал бы звонить так поздно, да еще называть его «дядя», так что последовал вполне логичный вопрос:

– Какой еще Пашка?

– Ну Пашка, Пашка Кочетков из Балакова. Сын Андрея.

– Ах, Пашка, – в голосе «дяди» полпреда послышались теплые нотки. С младшим братом Денис Панкратович особой связи не поддерживал, отделяясь редкими звонками в день рождения, Новый год и двадцать третьего февраля, да и то в силу того, что секретарша Леночка, придирчиво ведя дела патрона, постоянно напоминала ему об этих датах. Однако племяннику Кочетков симпатизировал, потому что, как он сам считал, Пашка напоминал ему покойного отца. – Ты в Питере? Молодец, что позвонил! Ты бы зашел, что ли, к старику на огонек.

– Тут такое дело, дядя Денис... – смутился Кочетков-младший.

– Выкладывай.

С минуту Денис Панкратович слушал нерадивого отрока, иногда останавливая его уточняющими вопросами, и, пообещав помочь, нажал на аппарате кнопку отбоя.

– Вот Андрюхина порода, – покачал головой полпред, возвращаясь к креслу. – Что младший, что старший – клинические идиоты. И надо же так вляпаться!

Сначала хозяин квартиры хотел преподать оболтусу урок и оставить его на ночь в опорном пункте, однако после первого тайма и третьей бутылки пенного Денис Панкратович раздобрел, почувствовал себя расслабленным и решил проявить великодушие. Вслепую нащупав телефон на журнальном столике, он набрал номер одного своего давнего знакомого. По памяти набрал, не задумываясь.

– Привет, Леша, это Денис. Слушай, сделай одолжение. На Московском вокзале в опорном пункте твои бойцы моего однофамильца маринуют. Да, родственник. Попал по беспределу. Ты бы своих архаровцев приструнил, а то ведь всплывет что у журналюг, так потом не расхлебать. Да, протоколы изыми, служивым внушение с занесением в грудную клетку. Ну, доставь его ко мне, хай переночует. Чай не чужой. И за мной не заржавеет.

Казалось бы, слово, простое словосочетание звуков, а имеет силу и не малую. Одно только, но произнесено оно должно быть определенным образом, с расстановкой, с интонацией, от одного мудрого волхва к другому. Скажет дурачок на лавочке – вроде лепет. Скажет седой муж на сходке – заклинание, али приворот получился. Было так испокон веков, и раньше то скорее колдовством называлось. Теперь же просто: блат.

В первом часу ночи Пашку разбудила возня за дверью и скрежет ключа в замочной скважине. Как человек честный, Кочетков никогда на отсутствие сна не жаловался, и только что-то серьезное могло отвлечь его от такого замечательного занятия.

Итак, происходило странное. Что – понять спросонья, разумеется, было сложно. Пока арестант протирает глаза и вертел головой, осознавая себя в этом грубом и противоречивом мире, замок шелкнул, и на пороге камеры появился все тот же давешний сержант. Вид у него был смущенный, разозленный и растерянный одновременно.

– Куда меня? – предчувствуя худшее, хриплым со сна голосом поинтересовался Пашка у полицейского. – В СИЗО?

– С чистой совестью на свободу, – огрызнулся служивый, распахивая дверь камеры нараспашку. – Вещи заберешь у меня на столе. Тебя уже ждут.

Как говорится, на безрыбье и попа пирожок. Выяснить, что же такое произошло в столь поздний час, что Фемида, спохватившись, отвела свой карающий меч, Пашка не стал. Злобно взглянул на скрючившегося на нарах словоохотливого сокамерника и уверенной походкой мигрирующего лемминга устремился к желанной свободе. В дверях Кочетков столкнулся с низким широкоплечим типом в кожаном пиджаке, который перегородил ему дорогу и похозяйски осведомился:

– Павел Андреевич?

– Ага, – автоматически кивнул Павел Андреевич Кочетков, возвышаясь над типом в кожанке чуть ли не на две головы.

– Денис Панкратович велел вам ехать на квартиру на Васильевском. Забирайте личные вещи, шнурки и ремень и спускайтесь по лестнице на улицу. Там вас ждет автомобиль.

Прозвучало это спокойно и размеренно, но скорее в приказном порядке. Да и по виду мужика было свершено ясно, что если вдруг Кочетков придумает себе новый маршрут передвижения, то получит по темечку и поедет в исторический центр в багажнике. Быстро и без обзорной экскурсии.

Дядя Денис все-таки помог. Решив не искушать судьбу, Кочетков схватил вещи в охапку, а заодно скоросшиватель и пару ручек – компенсация от органов за нанесенный моральный ущерб, – а затем что есть мочи бросился прочь из прибежища правопорядка, вновь ощущая себя честным гражданином и исправным налогоплательщиком. Узкую лестницу Пашка пре-

одолеет в два прыжка и, ударив плечом в тяжелую деревянную дверь на старомодной пружине, вывалился на улицу, где тут же попал под проливной дождь.

Черный мерседес с тонированными стеклами копил воздух, стоя прямо на тротуаре и особо не смущаясь, что перегородил дорогу редким прохожим. Холеные бока немецкой техники поблескивали в свете ночных фонарей, будто антрацитовые, а мерный гул из-под капота внушал уважение.

Стекло с водительской стороны поползло вниз, и парень за рулем кивнул. Залезай мол, не стесняйся. Дело-то житейское.

– Понял, – почему-то закивал Пашка и, все еще сжимая в руках свои нехитрые пожитки, кое-как втиснулся в салон, скрипнул задом по кожаному дивану и поспешно захлопнул дверь. В салоне все оказалось еще богаче. Пахло хорошим одеколоном, кожей и, кажется, еще чем-то неуловимым, вроде дорогого женского парфюма. Смущала также идеальная чистота. Ни соринки тебе внутри, ни мусоринки, ни сигаретного пепла. Дядя Денис любил порядок и поддерживал его как в собственной голове, так и в ведомстве, от кабинета до салона автомобиля. Последнее он, разумеется, делал не сам, а культивировал среди подчиненных, и горе тому, кто не шагнул с ним в ногу.

Шофер и сейчас не произнес ни звука. Пашка только ощутил, как его мягко вдавило в кресло ускорение, а когда перевел взгляд с болтающегося на зеркале заднего вида крестика на улицу, проклятый опорный пункт, вокзал и жулики уже скрылись за поворотом. Из динамиков лилась легкая инструменталка, сиденья были удобными и мягкими, да и климат-контроль в машине полпреда работал вполне прилично, так что после пережитого стресса и прерванного сна Пашку вновь потянуло на боковую. Моргнул раз, моргнул два, а тут уже водитель выкручивает к арке, перекрытой тяжеловесными стальными воротами, а те, как по волшебству, расходятся, пропуская четырехколесный экипаж в хорошо освещенный и уютный внутренний дворик.

– Приехали. Хозяин ждет, – сухо произнес крепыш с переднего сиденья.

Денис Панкратович встретил племянника радушно, ибо был под градусом, да и любимая команда сегодня не особо лажала. Открыв дверь – предварительно убедившись в глазок, что перед ним именно тот, кого он ожидает, – Кочетков-старший впустил Пашку в широкую прихожую.

– Разувайся, – велел родственник. – А то наследишь по паркету, век потом не заполируешь.

Пашка послушно скинул боты без шнурков и, пристроив пожитки на тумбу-ключницу, начал с интересом оглядывать жилище дяди Дениса, в котором, признаться, ни разу и не был.

С родным дядькой, старшим братом отца, у Пашки были отношения сложные. С одной стороны, старший Кочетков ничего плохого ни ему, ни остальным родственникам со стороны отца не делал, однако и общаться Денис Панкратович особо не спешил.

– Тапки бери.

Пашка послушно вставил ноги в предложенную домашнюю обувь и, осторожно переставляя их, пересек прихожую размером с его комнату в Балаково. Потолочные светильники приветливо освещали деревянные панели, а белый до безобразия потолок с зеркальными вставками создавал впечатление, будто квартира у полпреда как минимум в два яруса.

– С чем пожаловал? – вкрадчиво продолжил беседу Денис Панкратович.

– Да вот, на заработки.

– И сразу в тюрьму? Лихо ты, племяша, начал. Тебе бы в девяностые, а то ты, видимо, годом ошибся.

Под впечатлением от несоразмерно богатого жилища дядюшки, младший Кочетков пропустил в словах родственника откровенную издевку.

– Ну да.

– Значит, так, родственник, – взял Денис Панкратович быка за рога, – выгонять тебя на улицу я, конечно, не буду, все-таки не чужие люди, однако и губешку не раскатывай. Ты ведь знаешь, кто я по должности?

– Отец говорил, в политике.

От такой формулировки полпреда перекошило, будто он с маху откусил пол-лимона и заполировал все это острым чилийским перцем. Сказать, что старший Кочетков в политике, равносильно назвать Рембрандта маляром.

– Вроде того. Я человек публичный, всегда на виду. Журналиги только и ждут новость погорячее. Сегодня их в округе нет, моя охрана проверяла, но то редкий день, поверь мне на слово. Они же днюют и ночуют в парадных, прячутся в мусорных бачках. Стервятники, одним словом. Завтра представлю тебя паре знакомых, сыграю хорошего родственника, но на этом все. Ни блата тебе, никакой должности потеплее.

– Дядя Денис, у меня денег нет, – честно признался Пашка.

– Потерял или украли? – спокойно осведомился полпред. Это даже немного Пашку обидело. Ну почему, спрашивается, потерял или украли. Мало ли что. Однако пронцательность родственника заслуживала похвалы.

– Ни то, ни другое. Я же вам рассказывал по телефону про жуликов, вот они и обчистили, все подчистую.

– Ладно, – горько вздохнул полпред, отразив на лице страдание и скорбь одновременно. – Денег дам – на первое время и в долг. – Слово «долг» прозвучало во фразе особенно отчетливо. – Хватит, чтобы ноги с голодухи не протянуть. Комнату опять же снимешь, не жить же тебе со мной. Тесно тут.

Пашка с сомнением оглядел огромную квартиру дядьки, а точнее, ту ее часть, что смог обзреть просто, повертев головой, и отметил про себя, что на данной жилплощади можно было бы организовать вполне приличный магазин или автомастерскую, а уж никак не жаловаться на тесноту. В крайнем случае, поскольку уж помещение было жилое и не на первом этаже, тут могли бы без проблем разместиться пара человек. Впрочем, вслух он этого не сказал, но и от денег не отказался. В долг так в долг. Поработать немного, экономить, вот и появятся наличные, чтобы с дядей Денисом рассчитаться.

Отцу Пашка звонить не хотел, в Балаково с работой было туго, а пенсии отставного военного едва хватало, чтобы покрыть коммунальные расходы и закупить продуктов. Да и стыдно было перед отцом в таком признаваться. Сын-то лопух, каких свет не видывал. Едва за порог ступил и тут же утоп по самые уши в самой мерзкой и зловонной луже под названием действительность.

– Спать будешь на диване в зале, – резюмировал Денис Панкратович, и, посчитав, что инструктаж родственника закончен, вновь уселся в кресло.

– Дядя Денис, кушать очень хочется...

Полпред тяжело вздохнул и кивнул в сторону двери.

– Топаи на кухню. Может, что в холодильнике и осталось.

Старший Кочетков, по уходе супруги, и вовсе питаться дома перестал, предпочитая домашним разносолам демократичную еду в ведомственной столовой. Так и на виду, и к народу ближе. Не хлебом единым, как говорится...

Однако понятия Дениса Панкратовича и Пашки о пустоте и наполнении холодильной камеры кардинально различались. Выйдя в коридор, младший Кочетков проследовал на кухню и, обогнув «кухонный остров», устремился к громоздкому сооружению цвета слоновой кости, горделиво, по-хозяйски, возвышающемуся над прочей плюгавой мелочью. Дверца холодильника поддавалась с трудом, а там ну чего только не было! Две полки были заполнены нарезкой в вакууме: сыры, мясные деликатесы. Полочки на дверце заставлены стеклянными бутылками

с соками, молоком и чем-то вроде минеральной воды с импортной наклейкой. В лотке для овощей и фруктов, как ни странно, было не густо. Пашка обнаружил там пару бананов, уже стремительно покрывающихся черными пятнами, да початую упаковку красного винограда. Отдельная полка была отведена под алкогольные напитки: пиво и покрепче – вроде беленькой. В морозильную камеру младший Кочетков решил не соваться и, вытащив несколько лоточков с колбасной нарезкой, немедленно вскрыл упаковку и употребил их по назначению, запивая найденным здесь же пивом из жестяной банки. Пиво было то ли чешское, то ли немецкое, хотя сам Пашка особо не чувствовал разницу. Добротность дядиных запасов была отменная, что тут же подтвердило одобряющее урчание желудка. Под конец нехитрой трапезы решив добыть дядины запасы фруктов, Пашка прихватил из холодильника бананы и виноград, а затем отправился в гостиную, где нашел старшего Кочеткова, мерно посапывающего напротив телевизора.

В чужой монастырь со своим уставом, как водится, не ходят. Окинув взглядом залу и убедившись, что если он, гость, будет разбирать диван, то разбудит грохотом сурового хозяина, младший Кочетков бросил тоскливый взгляд на приоткрытую дверь спальни и печально вздохнул. Возвратившись на кухню, Пашка составил в ряд четыре табурета, погасил свет и, забравшись на свое неудобное ложе, подsunул под голову какую-то прихватку. Удивительно, но не успел он закрыть глаза, как в мгновение ока провалился в черный омут сна.

Утреннее пробуждение оказалось мучительным и отзывалось ломотой и ноющей болью во всем теле, едва Пашка открыл глаза. Неудобное импровизированное ложе отдыха не слишком способствовало. То ли поспал, то ли в темное время суток разгружал вагоны. Взглянув на наручные часы, он ахнул. Стрелка уверенно ползла к часу и явно не собиралась на этом останавливаться.

– Вот те на, – восторженно воскликнул младший Кочетков. – Это я даванул, кверху-то воронкой!

Вскочив, молодой человек поспешил в залу, но ни в ней, ни в спальне, ни в кабинете, ни вообще на территории данной жилплощади Дениса Панкратовича не нашлось. Вместо него на журнальном столике лежал тощий белый конверт и записка, на которой убористым красивым почерком старшего Кочеткова было выведено: «Для Павла».

Развернув записку, Пашка сморщился от неудовольствия.

«Денег я тебе оставил, – писал полпред своему племяннику. – Связь будем держать по тому номеру телефона, который тебе известен, но без крайней нужды не звони и в сомнительные истории вроде вокзальной не суйся. Чай, голова у тебя с мозгами, а не капусты кочан. С квартирой вертись сам, у меня на этот счет мысли напрочь отсутствуют, но думаю, что в любой газете объявлений пруд пруди. Купи журнал в киоске. С работой, впрочем, может, помогу, есть у меня одна интересная идея. Есть место водителя в одной ведомственной конторе. К их местному товарищу претензии большие по алкогольному вопросу. Со дня на день под белы рученьки и попросят не беспокоить. Недавно образовалось. Ниже адрес и телефон. Созвонись, сошлешься на меня. Уходя, просто захлопни дверь. Замок английский».

Ниже были выведены номер мобильного телефона и странное имя, или скорее кличка, как в самом начале решил Кочетков. Ну, скажите, кто вот просто так будет величать себя Библиотекарь? Неужто и правда? Тогда, наверное, и работа совсем плевая. Книжки туда-сюда возить. Красота. С другой стороны, в Пашкином мозгу снова зазвенел тревожный звоночек, упомянувший, что для подобного профиля деятельности хорошо бы хоть примерно знать город, а выяснить все тонкости трафика мегаполиса, будучи тут без году неделю... Ну, вы поняли. Однако к внутреннему голосу Пашка прислушивался не то чтобы часто, и известие о возможном тепленьком месте было воспринято им с энтузиазмом.

Из записки дяди, он, впрочем, уяснил одно: из квартиры его выставляют, хоть и жаловаться на полномочного представителя президента причин не было. Из милиции вызволил,

протокол велел в клочки порвать. Даже приютил на ночь и денег дал. Посему следует не наглеть, а горячо благодарить любимого родственника и не рожать проблему на ровном месте. Спасибо, мол, этому дому, пойдем к другому.

Итак, дел было по горло. На повестке дня стояло несколько насущных вопросов, которые Пашка предпочел решать по мере их сложности, ну, или актуальности. У вас, возможно, сложилось впечатление, что провинциальный паренек, прибывший на заработки в город, – уваленень или дурачок мягко характерный, однако ни одно из этих определений к нему не подходило. Развитый не по годам как умственно, так и физически, Павел Андреевич окончил школу с золотой медалью и собирался в институт, однако постигшее его семью несчастье – скоропостижная смерть матери – заставило Андрея и Павла Кочетковых пересмотреть приоритеты. Папашка подсел на алкоголь, а юноша пошел на местный комбинат, где работал на автопогрузчике на половину ставки. Благо знакомства у отца в городе были и с трудоустройством подростка проблем не возникло. Денег, впрочем, не хватало, и Пашка решил подрабатывать вечером в закусочной. Он носил ящики, мыл посуду, протирал барную стойку. Там же ему пришлось впервые показать себя в искусстве кулачного боя, которым, несмотря на физические данные, он не владел. Лишившись двух передних зубов, впоследствии восстановленных в местной стоматологии, и приобретя массивный фонарь под глазом, Кочетков ушел из закусочной и первым делам направил стопы в ближайшую спортивную секцию.

Его туда, к слову, не приняли. Пожилой тренер, Андрон Караваев, в прошлом чемпион мира и обладатель двух олимпийских золотых медалей по греко-римской борьбе, оглядел плотно сколоченную Пашкину фигуру и только развел руками.

– Куда же я тебя, парень, возьму? У меня одни малыши занимаются. Это чтобы в спорт попасть, нужно с малых лет работать, тренироваться каждый день, навык на ус наматывать да в мозги вкладывать, а ты вон какой лоб вымахал. Не, поздно.

Нет так нет. Кочетков тогда даже возражать не стал. Бесплатно позаниматься ему не довелось. Оставались платные секции. Обойдя несколько, Кочетков наткнулся на курсы армейского рукопашного боя, которые вел в платном порядке один отставной военный, вроде бы даже служивший в спецназе ГРУ. Звали мастера Иван Поддубный, и, являясь полным тезкой легендарного Ивана Максимовича, на одном этом он делал себе рекламу. Конечно, за те пять месяцев, что отделяли Кочеткова от службы в стройных рядах вооруженных сил, мастером рукопашного боя он не стал, но Поддубный деньги свои отработал, кое-какие навыки Пашка получил и впоследствии применял их в самом крайнем случае. Служил Кочетков честно, не отлынивая. Стрелял на полигоне, ползал по-пластунски, заступал в наряды, и как-то незаметно для себя оставил позади и эту веху биографии. Оказавшись на гражданке, с билетом до родного города в одной руке и военным билетом в другой, Пашка прибыл на родину и был поражен произошедшим за двенадцать месяцев изменениям.

Отец бросил пить – это новость хорошая, а вот плохая новость ждала младшего Кочеткова на письменном столе в виде пухлой пачки неоплаченных счетов. В конечном итоге все сводилось к тому, что, коли Андрей Панкратович счета не оплатит, то неприятности могут быть и у сына. Только появившись на гражданке, он впрягся в рабочую лямку, не гнушаясь самой грязной работы. Подметал улицы, вычерпывал выгребные ямы, работал ночным грузчиком, бомбил на старенькой отцовской шестерке и вообще был на все руки от скуки: там кран поменять, здесь проводку пробросить. Титаническими усилиями неоперившийся юнец свел долги папашки к нулю, а когда убедился, что все в порядке, наскреб немного денег на билет и отправился в большой город. Андрей Панкратович, видимо осознав, что сделал для него сын, проявил сентиментальность характера и выдал из личных запасов две тысячи рублей. Деньги, к слову, для семьи немалые. Ну, а куда ушли они, вы уже знаете.

Не прост был Пашка. Ой как непрост. Последние годы жизни вывели в нем некую основу, стержень, и тем позорнее для него самого был случай на вокзале. Решать проблемы по мере их

поступления – всегда пожалуйста. Что главное? Сначала устроиться на работу или найти себе ночлег? Дилемма неразрешимая. Надо было работать по горячим следам. Квартира она что, в протекции не нуждается. Лишь бы по карману было, а там засветил зелеными, и ночлег у тебя в кармане. Другое дело работа, и соответственно зарплата. Чем раньше начнешь батрачить, тем быстрее тебе денежка в карман отложится. Вывод напрашивался сам собой. Однако дела делами, а прием пищи по расписанию.

Решив основательно подкрепиться, Кочетков-младший вытащил еще пару упаковок нарезки и, приготовив себе растворимый кофе, долго сидел, уставившись в черный экран телевизора. Сам процесс приема пищи был более чем медитационным, и выглядело это так. Отхлебнул, подумал о жизни. Прожевал, сделал выводы. Хотя если бы кто-то сейчас заглянул в комнату, то увидел бы совсем непритязательную картину. Пашка просто хлебал ароматный черный напиток, забрасывая в рот ломти ветчины и краковской колбаски.

Когда с завтраком было покончено, Пашка отправился в ванную комнату, где принял душ. Вытащил из тощей сумки свежий комплект белья, побрился, и только после этого решился-таки выйти на улицу.

Захлопнув дверь, не оглядываясь, он спустился по гулкой лестнице и, опасливо поглядывая на хмурое, затянутое свинцовыми тучами небо, заспешил вперед к новой жизни. Город, давно уже проснувшийся, оглушил парня звуками, запахами и образами в таком количестве, что голова пошла кругом. Машины гудели в пробках, ревя двигателями и выбрасывая в серое питерское небо клубы ядовитого дыма. Витрины магазинов, заставленные уродливыми манекенами в модной одежде, пестрели рекламными вывесками, сулящими удивительные скидки. Отовсюду слышался смех, ругань, плачь, перебранка и признания в любви, и все это сливалось в один общий рев могучего монстра, способного стереть в порошок и даже не заметить, как под исполинской ступней оказался какой-то прохожий. Имя тому монстру было Мегополис.

Питерская подземка встретила Кочеткова неприветливыми толпами хмурых граждан, торопящихся по своим делам. Людская масса молчаливо толкалась к эскалатору, прижимая друг друга, отдавливая ноги и стараясь вырвать их рук сумку. Помня о карманниках, Пашка, собрав волю в кулак, преодолел людской заслон и, с облегчением выдохнув, начал спускаться по длинному самоходному устройству. Посмотреть в метро правда было на что. Пестрая реклама ресторанов зазывно маячила красивыми бутербродами, белозубые красотки жамкали в ладошках новомодные девайсы, а сериальные герои скалились с плакатов, предлагая умопомрачительно дешевое жилье и незабываемые туристические поездки за кордон. Сама станция тоже была достойна упоминания. Шагнув на мраморные плиты пола, провинциал будто переместился в другое время. Переливы света под потолком создавали удивительную камерную атмосферу. Если бы не серая масса горожан, уверенно топающая в направлении посадки, можно было бы подумать, что он в один миг очутился в подземном замке, где за поворотом прячется злой тролль, а дальше в угольно-черных проходах туннелей, обвитых силовыми проводами, притаился огнедышащий дракон, до поры до времени мирно спящий на жесткой постели из благородного металла.

– Сказки, – пробурчал про себя Кочетков и, быстро проскочив в образовавшийся в пассажиропотоке проход, ввинтился в переполненный вагон. Дальнейшее продвижение Пашки было неинтересным. Станция сменилась станцией, за ней пошла еще одна, и, уцепившись за поручень, он с тоской наблюдал, как хмурые граждане культурной столицы, уткнувшись носом в электронные книги и смартфоны, коротают путь до работы. Подъем на поверхность принес облегчение. Вырвавшись из душного нутра подземного дворца, Кочетков заспешил по лестнице вверх и, отворив стеклянные створки вестибюля, с наслаждением подставил разгоряченное лицо под прохладные волны воздуха, идущие с Невы. Здание, указанное в листочке, Пашка нашел без труда. Тяжеловесное, громоздкое, с высоченными окнами и парадным подъездом

о двадцати ступеньках, оно привело Кочеткова в некое замешательство. Также смутил и тот факт, что на фасаде дома имелась табличка, делающая недвусмысленный отсыл к министерству внутренних дел. Сотрудники полиции в новой синей форме, скучавшие у входа, ставили все точки над *i*. Дядя присмотрел любимому племяннику работу в органах.

Был и еще один примечательный факт. Среди длинной череды названий, относящихся контору к известному ведомству, в дядиной записке гордо красовалась цифра: «Отдел шестьдесят два». Цифры эти были выведены дважды и даже подчеркнуты, а следовательно, несли какой-то сакральный смысл, который хотел донести до своего племянника любимый родственник. Однако цифры эти, магические, ничего Кочеткову не говорили и были скорее китайской грамотой, чем опознавательным знаком.

Пока Кочетков с сомнением разглядывал представителей министерства внутренних дел, считающих ворон и подозрительных граждан, на улице, пыля и повизгивая покрывками, показался старенький автомобиль марки «Москвич». Вильнув раз, вильнув два, машина кое-как выправилась и, стремительно набирая скорость, понеслась по улице, лавируя между сверкающими на солнце кузовами дорогих иномарок. Маневры водителя были скорее безрассудны, чем смелы, а машина не столь хороша, чтобы выделять подобные кульбиты. Обогнав пару автомобилей, москвич резанул большой внедорожник с кургузой мордой, спугнул кошку, тщательно приглаживающую полосатую шерстку, и лихо припарковался прямо напротив парадного входа в здание.

Полицейские, стоящие у входа, даже бровью не повели. Казалось, они уже привыкли, что разные лихачи на нашемарках перегораживают подъезд к зданию. Впрочем, вскоре все прояснилось. Водитель знал обоих дежурных, причем, как и те знали его. Дверь скрипнула, послышалось что-то вроде приветствия, и тут Кочетков ощутил такой мощный запах перегара, что даже усомнился, может ли такое количество алкогольных паров исходить от одного человека. Вывалившийся из москвича тип был среднего роста и невероятно широк в плечах. Потертая куртка и водительская кепка, вроде тех, что носили при советской власти сотрудники таксопарка на линии, надеты были явно для показухи. Также, причем, как и водительские перчатки с обрезанными пальцами. Неуверенно балансируя, водитель хлопнул дверью и, пошатываясь, начал подниматься по лестнице. И тут уже у дежурных не хватило терпения.

– Дварф! Совсем с дуба рухнул! – покачал головой усатый прапорщик, перегораживая водителю подход к двери. – Видать, огненная вода шары залила! Тебя же Библиотекарь увидит – отправит на Камчатку, тюленей по юртам развозить.

– А я животный мир люблю, ик! – Названный странным именем Дварф, мужик решительно отодвинул прапорщика и попытался дотянуться до ручки, однако уже молодой старлей встал на помощь, и вдвоем полицейские начали теснить пьяного водителя с лестницы.

– А ну отпусти, сволота! – начал яриться нарушитель. – Что мне ваш Библиотекарь? Он мне мама, что ли?! Ну, имею я право выпить! Племянник у меня родился, три с полтиной весит! Ножки с братом обмывали!

– Да ты просппись сначала, а потом в отдел заявляйся!

– А мне заначку надо взять.

Чем бы это закончилось, сказать сложно. Водитель был упрям, а полицейские при исполнении, и даже их обоюдное знакомство не могло перерубить тот самый гордиев узел, если бы не появление новой фигуры на сцене. Пока стражи правопорядка путались в повисшем на их руках Дварфе, который вдруг предпочел пассивную защиту и теперь болтался в крепких руках полицейских будто кукла, на пороге появился статный высокий мужчина в очках. Дорогой костюм и ослепительно белая сорочка дополнялись цепочкой часов, спрятавшихся в кармане жилета, а носки начищенных до блеска ботинок отражали скупые солнечные лучи, проглядывающие сквозь частые тучи на питерском небе. Такому бы, наверное, в кино сниматься, играть Капоне или другого гангстера времен сухого закона. Однако при появлении этой фигуры поли-

цейские будто кол проглотили, и даже упирившийся и матерящийся Дварф затих и осторожно поглядывал из-под кустистых бровей.

– Увольняюсь я, Библиотекарь! – чуть шепелявя и ловя равновесие, заявил возмутитель спокойствия. Сказано это было нарочито громко, вызываясь, как может общаться пьяный, а посему не ведающий страха человек. Алкоголь притупляет это чувство, а с ним и умственную деятельность. Это-то Дварфа и подвело, а вот Пашке чуть позже сулило выгоду, о чем последний не догадывался.

– Пройдемте в помещение, – сухо, четко чеканя по слогам, произнес мужчина в очках и дорогом костюме, и на удивление легко захватив водителя за ворот куртки, поволок его внутрь здания. На секунду он задержался и, передав Дварфа на руки кому-то в коридоре, перевел взгляд серых, внимательных глаз на наблюдавшего за этой картиной Пашку. – А вам что, молодой человек?

– Да я вот... – парень в смущении протянул записку дяди. Приняв ее, Библиотекарь бегло пробежался по тексту.

– Узнаю почерк полпреда, – нахмурился он. – А он так просто никого не присылает. Не тот человек, как говорится. Чего изволите, милейший?

– Да вот на работу пришел устраиваться, – скромно пояснил Кочетков.

– Зайдите после обеда, спросите меня.

– Зовут-то вас как? Ну, по имени-отчеству, – смутился Пашка и ощутил, как румянец стремительно заливает его щеки.

– Библиотекарь, просто Библиотекарь, – и на этом говоривший шагнул в лабиринт коридоров, захлопнув за собой дверь.

Побродив по городу и перекусив шавермой – та еще провизия, – Пашка снова возвратился к зданию шестьдесят второго отдела ближе к трем часам, когда дежурные уже сменились, и на входе его поджидали другие, не знакомые ему полицейские.

– Куда? – остановил попытку Кочеткова пробраться к лестнице веселый широкоплечий детина с лычками старшины и ярким румяным лицом. Про таких еще говорят «кровь с молоком». – Ведомственный объект. Вход только по пропускам.

– Мне по личному делу, – честно признался провинциал.

– Не положено, – сказал, как отрезал, розовощекий. – Нет у отдела приемных часов. Надо – пиши официальное письмо с запросом, а так прошу покинуть лестницу.

– Но Библиотекарь! – взмолился Пашка, понимая, что новый наряд вряд ли пойдет ему навстречу и пропустит к тому высокому господину в дорогом костюме. – Он сказал зайти мне после обеда.

– Библиотекарь, говоришь? – розовощекий хмыкнул и с ног до головы оглядел кочетковский наряд. – Ладно, жди, узнаю, – и, хлопнув дверью, нехотя скрылся в глубине здания, оставив Пашку на попечение своего напарника. Ходил он и правда недолго. Буквально через пару минут сержант появился и смущенно кивнул:

– Проходи, паря. Отметись у дежурного, и на второй этаж. По коридору налево. Кабинет двести двенадцать.

Позже Пашка подметит одну интересную особенность отдела. Стоило ему назвать имя и отчество человека, и тогда все отработывалось по схеме, вяло и с большой неохотой, однако если всплывало прозвище, темп выполнения поручения увеличивался и результаты неизменно радовали глаз. Магия нового имени творила чудеса, и выданное при рождении попросту теряло свою актуальность. Парадокс. Загадка.

Получив добро, Кочетков шагнул за порог и, пару раз вильнув по странной формации коридору без дверей, был встречен плексигласом, коим были обшиты стены. Заканчивался коридор массивной стальной дверью. За одной из плексигласовых преград, в большой нише,

располагались стол и еще один полицейский. Из этого убежища вела другая стальная дверь, которой пользовались сотрудники, чтобы попасть на пост. С паспортными данными прошло все быстро, а вот меры безопасности Кочеткова смутили и немного насмешили.

– В баночку плюнь, – поставив в прозрачный ящик на стальных полозьях пластиковый одноразовый стаканчик с водой, дежурный подвинул ящик к молодому человеку и выжидающе глянул.

– Как это? – опешил Пашка.

– Традиционно, – усмехнулся дежурный. – Как испокон веков было. Слюной.

Пашка пожал плечами и, поколебавшись немного, смачно плюнул в стакан.

– Жди. – Дежурный принял стаканчик на своей стороне и, поставив его в микроволновку, крутанул ручку. Та зажужжала, закрутив емкость со слюной и, весело звякнув таймером, остановилась. Открыв дверцу микроволновки, дежурный опустил туда бумажную полоску, подержал немного, а потом поднес к свету. – Готово. Можешь проходить. Дорогу объяснили?

– Растволковали на входе, – удивленный Кочетков, косясь на странного полицейского, дождался, когда магнитный замок стальной двери сработает, и заспешил прочь по коридору. Здание оказалось самым обычным, с множеством дверей, вытертой ковровой дорожкой и оставшимися от старого режима картинками на революционную тему, которые новые хозяева то ли не захотели, то ли поленились снимать. Имелась тут и современная атрибутика вроде доски отличившихся или погибших при исполнении, а на лестничном пролете даже нашелся аккуратный стеллаж, на котором, горделиво поблескивая боками, стройными рядами стояли кубки и висели медали, завоеванные сотрудниками отдела в различных спортивных соревнованиях. Решив изучить достижения незнакомых людей в следующий раз, Пашка заспешил по лестнице и, преодолев с десяток мраморных ступенек, выбрался в новый, близнец предыдущего, коридор, где без труда отыскал нужный ему кабинет.

Хозяин не ответил на первый стук, робкий и ненастойчивый. Не подал признаков жизни и тогда, когда Кочетков упрямо постучался снова. Третья попытка, впрочем, увенчалась успехом, и, когда Пашка собрался уже убраться восвояси, из-за двери послышался усталый голос:

– Войдите.

Толкнув дверь, молодой человек смущенно шагнул в полутьму кабинета и тут же попал под прицел внимательных серых глаз.

– Ах, это вы. – Библиотекарь отодвинул от себя папку с документами и, захлопнув ее, убрал в ящик стола. – А я уж думал, не придете. Я же вроде говорил, что после обеда.

– Так я вроде... того, – вновь смутился Кочетков. – Пришел, как назначено. Я же не знаю, когда у вас закачивается обед.

– Ну да, ну да, – протянул Библиотекарь, ослабляя узел галстука и расстегивая верхнюю пуговицу белоснежной сорочки. – Присаживайтесь. Вас прислал...

– Мой дядя.

– Даже так? – на лице хозяина кабинета отразились нотки едва скрываемого удивления. – А о специфике отдела он вам рассказал? Пояснил, чем мы тут занимаемся?

– Даже словом не обмолвился. Сказал только, что есть вакансия и он похлопочет, а я как раз подыскиваю работу.

– Ясно, – тяжело вздохнул Библиотекарь. – Чаю хотите?

– Не отказался бы, – кивнул Кочетков и тут же испугался собственной наглости. Не подумали бы чего! Однако тонкий аристократический палец большого начальника уже вдавил кнопку интеркома.

– Лидочка, два чая, пожалуйста. Мне как обычно, а молодому человеку с сахаром и лимоном. Вы же такой чай предпочитаете?

– А вы как догадались? – удивился Пашка. Да, он любил отвратительно сладкий чай с большим куском лимона, однако данной частью своей биографии делиться ни с кем в этом городе не спешил.

– Интуиция, – пожал плечами Библиотекарь. – У меня это, знаете ли, профессиональное. Ну, так что? Угадал?

– В точку, – смущенно улыбнулся Пашка.

Чай появился практически молниеносно. Материализовавшаяся в кабинете Библиотекаря Лидочка аккуратно поставила на стол поднос с двумя изящными чашками из тонкого фарфора. Одну она тут же переставила на стол Библиотекаря, а другую, вместе с сахарницей и блюдцем, на котором ровными кружочками был нарезан лимон, прямо на подносе пододвинула Кочеткову.

– Тогда перейдем к делу, а то, знаете ли, день сегодня сложный.

Пару слов об отделе, так сказать для вводного инструктажа. Находимся мы на полулегальном положении, и действия наши хоть и идут в ногу с УПК, но зачастую могут ему и противоречить. Лично я придерживаюсь версии, что цель оправдывает средства, а цель у нас, как правило, сохранение человеческой жизни, и никак иначе. Теперь перейдем к вам. Военной подготовки у вас, как я вижу, нет?

– Служил.

– Я не о том, – мягко, но уверенно расставил акценты Библиотекарь. – Рекомендации вашего дядюшки, как вы изволили выразиться, говорят сами за себя. К тому же в его канцелярии подтвердили ваше родство. Вы уж, милейший Павел Андреевич, не сердчайте. Поднял я вашу биографию. Военной подготовки у вас нет, а то, чему учат в наших вооруженных силах в ходе срочной службы, из рук вон плохо. Знаю, что и борьбой занимались, только не долго, однако образования и навыков для профиля нашего отдела у вас нет. Брать же на себя ответственность или давать вам оперативного агента в качестве опекуна и напарника я не могу, в кадровом вопросе зажат со всех сторон.

– И что же делать? – расстроился Пашка. – Неужели работы нет?

– М-да. Сложная у нас ситуация, Павел Андреевич. – Библиотекарь снял очки и, вытащив из внутреннего кармана платок, принялся полировать им стекла. – Хотя... – Грозный начальник хитро прищурился. – У вас же водительские права имеются?

– Есть! – обрадовался Пашка. – Могу хоть машиной легковой, хоть трактором, хоть автобусом управлять. От Б до Е.

– А машину, ну, автомобиль, починить сможете? Ну, вдруг заглох транспорт на трассе.

– Могу и починить, – закивал молодой человек, хватаясь за соломинку.

– А с ядерной физикой?

Взглянув на обалдевшего Кочеткова, Библиотекарь вновь хитро прищурился.

– Впрочем, это я так. На всякий случай. Может, интересовались. Ситуация у нас следующая...

Вообще, как заметил Пашка, слово «ситуация» было у Библиотекаря одним из любимых, и старался он вставить его по делу и без. «Ситуация есть», «ситуация складывается», «вырисовывается ситуация», и куча других «ситуаций», способных родиться в ходе разговора.

– Так вот, ситуация у нас следующая. Образовалась вакансия водителя для оперативной группы. Требуется нам сотрудник со стажем, но, как я подозреваю, наверное, и вы сойдете. Для начала оформитесь на испытательный срок с обучением, изучите город, покатайтесь с ребятами по адресам. Опыт – штука приходящая. Тут я либерал. Зарплату будем платить официальную, отпускные и больничный по КЗОТу, так что не обидим. Согласны?

– Нескромный вопрос, – замялся Пашка, чувствуя, как в нем поднимается ликование. – Я в городе недавно. Денег у родственников просить не с руки, да еще снимать придется на

первое время. Общежитие же вы для сотрудников не представляете? – последнее прозвучало скорее с надеждой и было новым шефом проигнорировано напрочь.

– Вы о зарплате? – Библиотекарь оторвал стикер от толстой желтой пачки на углу стола и, быстро написав на нем цифру, картинным жестом пододвинул Кочеткову. – Устраивает такой вариант?

Взглянув на цифру, Пашка довольно прищурился. Указанная сумма превышала его скромные ожидания. Ее вполне хватало на жизнь, еду и проезд, а также ежемесячные взносы за комнату, правда еще непонятно кому. Оставалось даже немного на прогул души.

– Более чем.

– Ну, тогда приходите завтра на оформление. Я вам выпишу пропуск, останется у дежурного. Вахту предупрежу.

Пашка закивал и направился к выходу из кабинета, однако на пороге остановился.

– А можно еще один вопрос?

– Что уж там, задавайте, – благодушно махнул рукой Библиотекарь.

– А почему вас называют библиотекарем?

– Оперативный псевдоним.

– А как же по-настоящему?

– Вот вам первое правило работы в отделе шестьдесят два, – улыбнулся хозяин кабинета. – У сотрудников, кроме вольнонаемных, вроде секретарши Лидочки или охраны у входа, имен нет. Только оперативные псевдонимы. Никому, подчеркиваю – никому не сообщайте свои настоящие имя и фамилию, место жительства и детали биографии. Их знаю только я, да еще пара человек в главке. Даже отдел кадров начисляет вам зарплату по личному номеру. Правила в первую очередь дают вам некую безопасность. Есть у нас клиенты враждебные и мстительные. Некоторые из них имеют реальную власть, и насолить вам в быту, «подвести под монастырь» они могут очень просто. Опять же, не впадая в крайности, они способны отравлять жизнь любому из сотрудников на протяжении долгих лет, пока он не сломается и не даст слабину. Мы стараемся этого избежать, принимаем меры, дергаем за собственные ниточки и вызываем к покровителям, но всегда лучше подстраховаться. – И тут же с места в карьер перешел к прощанию: – Да вы идите, идите, Павел Андреевич. Вам еще подумать надо. Если вдруг завтра в девять я вас на летучке не увижу, не удивлюсь и обрывать телефон не буду. Коли в своем желании с нами работать утвердитесь, придется сразу с оперативным псевдонимом решать. Я человек убеждений и предпочитаю давать выбор в решении данного вопроса сотруднику. В конце концов, это его судьба. Вот как бы вы хотели именоваться?

И тут Пашка задумался. Громкое прозвище обязывало соответствовать. Нужно было придумать что-то такое, что ярко говорило о нем, и в то же время ничего не открывало, кроме очевидного.

– А можно Драйвер?

– А почему бы нет. – Библиотекарь закончил полировать линзы и победоносно водрузил очки на нос. – Драйвер вполне себе приемлемо. Быть посему.

Пашка уже было собрался восвояси, однако патрон завозился на рабочем месте, что-то прикинул в уме и быстрым размашистым почерком начертил что-то на листке бумаге, а потом передал его Кочеткову.

– Возьмите, Драйвер, – произнес он, хитро прищурившись. – Вы же, я так понял, до сих пор никуда не заселились?

– Да, – согласно закивал Пашка, почувствовав халяву.

– Это, конечно, не служебная квартира, – быстро остудил пыл новичка Библиотекарь, – однако место неплохое. Хозяйка не сахар, зато цену назначила весьма гуманную. На первое время очень рекомендую.

Решив оценить возможности в выборе своего будущего жилья, Кочетков купил газету и, усевшись на лавочку неподалеку от ларька, принялся со всем возможным вниманием ее изучать. В данном издании была куча объявлений о сдаче комнат и квартир в наем, множество объявлений не только от частных лиц, но и реклама гостиниц и хостелов, проживание в которых не вписывалось в бюджет. В некоторых соблазняли шаговой доступностью от метрополитена, в других упоминался евроремонт и наличие парковки около дома, однако все они не соответствовали требованиям провинциала. Какие они у него были? Да самые смехотворные. Не больше шести тысяч в месяц с коммунальными платежами. Денис Панкратович денег оставил, но тощий бумажный конверт вмещал в себя три пятитысячные бумажки и наилучшие пожелания, так что разгуляться точно не получилось бы. К тому же расходы на питание, даже самое простое, тоже откусывали от бюджетного Пашкиного пирога солидный кусок. Внимательно изучив периодическое издание и окончательно убедившись, что балаковских цен не найти, Кочетков отчаялся и решил отработать вариант с адресом, выданным Библиотекарем. И цена, и местоположение – проспект Декабристов – ему подходили. Сверившись по карте в приложении на телефоне и звонком убедившись, что хозяйка на месте, Кочетков смело отправился в путь.

Легким шагом, неспешно, вертя головой по сторонам и любуясь старинными зданиями, Пашка пересек Васильевский и, перебравшись по мосту Лейтенанта Шмидта через Неву, а затем совершив еще один небольшой марш-бросок, молодой человек оказался у дома с нужным номером. Обветшалая дверь с врезанным кодовым замком вместо привычного домофона, близость рюмочной и пара сгнивших остовов машин, стоящих на вечном приколе неподалеку, его не смутили. Быстро подобрав верный код по потертым клавишам, Кочетков поднялся на нужный этаж и, найдя в скопище многочисленных звонков на дверном косяке нужную кнопку, уверенно вдавил ее до упора.

Арендодателем оказалась милая дама неопределенного возраста. Видавший виды трикотажный жакет и волосы, забранные в конских хвост на затылке, никак не вязались с тщательно выведенным мейкапом и явно дорогими золотыми украшениями. Казалось, дама металась, пытаясь найти себя то в образе старой гримзы, то в амплу деловой леди.

– Деньги вперед, – властно заявила она, едва открыв паспорт и убедившись, что у Пашки нет местной прописки, – а то знаю я вас, охламонов. Жить живете, а чуть платить, так сразу с квартиры прыг, и ищи вас.

– Да что вы, – попытался заверить даму простодушный Пашка. – Мы, Кочетковы – люди дела. Если что и сказали, то обязательно слово держим.

– Замечательно, молодой человек, но деньги вперед.

Еще с полчаса младший Кочетков выслушивал инструкции, которых обязался придерживаться во что бы то ни стало. Нельзя было водить «кого ни попадя», курить в комнате, пользоваться кипятилниками и подключать другую энергопотребляющую аппаратуру. Строго запрещалось громко слушать музыку, сверлить стены, складировать хлам и по своему усмотрению устраивать перестройку и меблировку сдаваемой жилплощади. Малейшая жалоба соседей грозила немедленным выселением, так что если и ходить по полу, то обязательно в мягкой обуви, телевизор смотреть в полгромкости и относиться к дверце холодильника настолько чутко, как если бы это была твоя личная дверца из хрусталя, взятая в ипотеку.

– Так что ты на испытательном сроке, – серьезно заявила дама. – Вот тебе ключи от комнаты и входной двери. – Солидно брякнувшая связка быстро переключевала из одной ладони в другую и была отправлена в карман кочетковских брюк. – Тут еще один вот такой живет, Ивашка Петров. Тот еще раздолбай. Говорят, неделями на квартире может не появляться, однако деньги платит исправно. Откуда они у сопляка? Ворует, небось, ну да мне на это до лампочки. Платит в срок, и хорошо.

Звали даму Прасковья Тихоновна. Быстро выдав ценные указания и посетовав на то, что вся молодежь пропащая, а заодно облегчив Пашкин кошелек, Прасковья Тихоновна отбыла восвояси, а молодой человек тем временем решил как следует осмотреть тот «райский уголок», оплата за который ополовинила его бюджет. Если даже с первого взгляда жилплощадь была не ахти, то при более пристальном изучении и вовсе повергла Пашку в уныние. Желтый потолок с оббитой лепниной, остатками бывшего великолепия. Через него черной кишкой наискосок тянулся провод, на котором болталась лампочка в обрамлении засиженного мухами абажура, судя по состоянию, вероятно, заставшего Сталина. Очевидно, призванный создавать уют, с функцией своей абажур не справлялся, а наличие мушиного помета мешало проникновению света от лампочки накаливания. Обои, старые и выцветшие, помнили, наверно, самого Берию в пору его карьерного роста. Паркет, в былые годы блестящий и новенький, а сейчас весь в боевых потергостях и выщерблинах, подчеркивал свой возраст черными от времени стыками.

С мебелью было тоже не густо. Простая кровать с пружинным матрасом, войлочная подстилка и что-то вроде дополнительного тюфяка, в жуткую, выцветшую от времени, как и все остальное, полоску. Меблировку дополняли шкаф, табурет и колченогий столик, удачно прислонившийся к стенке, дабы не упасть. Шкаф, тяжелый, добротный, в былые годы был образчиком хорошего вкуса, однако теперь превратившись в надгробную плиту, окончательно завершал депрессивную картину, заполняя собой добрые две трети комнаты. И самое интересное: на форточке, плотно закупоренной ватой – это в такую-то теплынь! – к деревянной раме чьей-то заботливой рукой десятком кнопок была пришпиlena грязноватая марлечка.

Первым делом, решив не впадать в уныние, Кочетков отворил, хоть и с трудом, окно и пустил в комнату немного свежего воздуха. С ним, впрочем, в крохотное помещение ворвался и гомон улицы, рев машин, а также добрая доля выхлопных газов. Кровать решено было оставить на прежнем месте, а вот табурет Пашка пододвинул к изголовью, в то место, где на стене была единственная на всю комнату электрическая розетка. Подключил почти севший мобильник и осмотрел недра шкафа. Скелета в нем обнаружено не было, зато нашелся в меру потрепанный, но чистый комплект постельного белья, перьевая комковатая подушка и армейское шерстяное одеяло с памятными полосами. Можно было купить новый комплект, однако эта трата нанесла бы непоправимый ущерб и без того небольшому бюджету юноши, так что отставив капризы, Кочетков сноровисто застелил постель и, отметив, после пробного краш-теста, что получается вполне себе ничего, почувствовал, что градус настроения все-таки пополз вверх. Устроившись поудобнее и сцепив руки на затылке, Пашка откинулся на подушку, пристально исследовал причудливо сплетенную паутину трещин на потолке и решил для себя, что все не так уж и плохо, и начавшаяся так внезапно полоса черная плавно перешла в грязно-серую, а там и до белой недалеко.

Следующим порывом Кочеткова было желание осмотреть всю квартиру целиком, взглянуть на предоставленные Прасковьей Тихоновной коммунальные блага. Пройдя коридор, парень толкнул первую дверь и очутился в совмещенном санузле, где фаянсовый унитаз и чугунная ванна, к которой тот по-братски вплотную притерся, нормально сосуществовали, мирно деля жилое пространство. В ванной комнате также нашлось выдавшее виды зеркало с потрепанной амальгамой, а на полочке под ним стоял стакан с новенькой зубной щеткой и едва начатым тюбиком зубной пасты, очевидно того самого пропащего соседа Ивашки. И, о чудо, стиральная машина – автомат. Лампочка под потолком, бережно завернутая в желтую газету, и следы тараканов на полу и стенах собирали мозаику воедино.

Последнее Пашку, впрочем, не расстроило. С усачами у Кочеткова были свои тонкие взаимоотношения, разделявшиеся по аграрному признаку. «Стасики» предпочитали видеть младшего Кочеткова под толстым слоем чернозема, а он, младшенький, делал все, чтобы как можно большее количество этих «милых» домашних питомцев, с помощью тапка или газеты, отправлялось на тот свет.

Вот кухня молодому человеку понравилась. Недавний, хоть и простенький ремонт, хороший стол с четырех ногах, два табурета, тумба с новенькой мойкой и даже вполне чистая газовая плита с двумя конфорками. Тут же стояла и сушилка для посуды, а обтянутые пестренькой клейкой пленкой полочки, развешанные по всей стене, создавали деревенскую прелесть в этой потрепанной обстановке. Хозяйка, скупая карга, решила менять не все напольное покрытие целиком, а придиричиво и кусками, из-за чего на полу образовался забавный наборный орнамент. Некоторые части были совсем плохи, вытерты прикосновением тысячи подошв, да и цвет свой позабыли по давности, смотрелись не ахти. Зато новые, хаотично уложенные и не особо подогнанные по стыкам, взирали на мир веселыми аляповатыми квадратами десятков цветов. Похоже, трофейный был линолеум, спертый либо из сумасшедшего дома, либо из детского сада.

Скрежет дверного замка прервал изыскания Кочеткова, и тот, развернувшись, поспешил в коридор.

– Наверное, забыла что, – вслух пробубнил Пашка, не особо радуясь второму пришествию квартирной хозяйки, однако клавиша выключателя щелкнула, лампочка накаливания изо всех сил поднатужилась натруженной спиралью и, развеяв полумрак слабым светом в сорок свечей, обозначила вновь прибывшего. И да, это была не Прасковья Тихоновна. Застыв в дверном проеме уцепившись одной рукой за кроссовок вроде гигантской неуклюжей цапли, перед Пашкой предстал в немом недоумении «пропащий Ивашка», второй квартирант и сосед, по совместительству.

Кочетков Ивашку знал, так как накануне некоторое время провел с ним на одних, прости господи, нарах, и в тот момент Петров парню не понравился. Искренней и преданной любовью он не воспылал к юноше и теперь, и отметил его прибытие с большой досадой. Белый день, свежая голова, ясный взгляд – однако все то же неприятие. Ну, вот что поделать? Первое впечатление оно тверже гороха. Одно лишь смущало. Библиотекарь отметил, что квартира для сотрудников.

Ивашка? Сотрудник? Ничего, кроме горькой усмешки, у Кочеткова это не вызвало, и он быстро выбросил эту мысль из головы. Ну не вязался образ нахального юнца с суровым работником органов.

– Что уставился, невиноватый? – Ивашка на удивление быстро пришел в себя и, скинув кроссовки, по-хозяйски прошлепал в кухню, откуда тут же зазвенела посуда. – Старуха меня набрала, сказала, что я теперь не один в таких хоромах тую, – после слова «хоромы» сквозь звон посуды послышался ироничный смешок, – однако не ожидал, что сокамерника встречу. Тебя же вроде отпустили? Соскучился?

– Иван, – Пашка тяжело вздохнул и, решив расставить все точки над *i*, проследовал вслед за наглецом, – мы должны серьезно поговорить.

– Это с тобой, что ли, серьезно поговорить, деревня? Да ты на себя посмотри! Ну куда тебя понесло из родного колхоза? Сидел бы дома, семечки лузгал, мял молодец да на гармошке... Да и потом, – парень на секунду замешкался, – откуда ты вообще знаешь, как меня зовут? Я тебе в каталажке проболтался? Не помню. Во! Все сошлось. Карга тебе старая про меня наплела. К гадалке не ходи. Так ты ее больше слушай, лапоть навозный.

Сокрушительный удар в челюсть должен был отшвырнуть наглеца к стенке и оставить его там несуразным пятном на обоях. Но Ивашка с легкостью балетного танцора увернулся и, чуть придав ускорение, отправил по незамысловатой траектории не легкого Кочеткова, который, круша мебель и сметая на своем пути некстати подвернувшуюся посуду, постарался запечатлеть свой образ на стене.

Встретившись со стенкой локтями, Пашка в уныние не впал. Житейская сермяжная мудрость, крутившаяся у него в голове, подсказала, что с этим противником на дистанции работать не стоит, а вот добраться и войти в контакт, да так, чтоб ребра затрещали, вот это стоит

попробовать. Выдохнув и издав звук пожарной сирены, Кочетков рванул вперед, отшвырнув с пути кухонный столик, однако наглец-малолетка снова извернулся и каким-то чудом, будто по мановению волшебной палочки, оказался в тылу, по которому тут же приложился босой ногой. Его хозяин взвыл, однако удар был скорее обидный, чем причиняющий неудобства. Развернувшись на сто восемьдесят градусов и издав очередной гудок, Кочетков вновь рванул вперед. На этот раз Ивашку удалось зацепить, и снова, в последний момент, слегка оглушенный, мальчишка выскочил из захвата и, нанеся уже болезненный удар по колену, начал отступать в сторону прихожей.

Сначала Ивашка явно издевался, решив, что деревенский увалень не стоит усилий. Потом, когда и удар в колено особо не взволновал нового квартиранта, ирония во взгляде сменилась сосредоточенностью, а когда Кочетков играючи отбил рукой брошенный в его голову журнальный столик и, нагнув голову, по-звериному бросился на таран, на лице молодого соперника отразились первые признаки паники, так как противник действовал не по шаблону, и следующее его действие угадать было невозможно. То он дрался по правилам, следя за соперником и пытаясь перейти в наступление, а вдруг ярился и, аки объевшийся мухоморов викинг, в исступлении кидался вперед, раскинув руки. Пашку можно было вымотать. Петров был меньше своего противника, да и подвижнее, однако габариты квартиры не позволяли нарезать круги. По технике боя мальчишка и Кочетков были примерно равны, а вот выносливости у последнего было больше. Через сорок секунд боя Кочетков загнал Ивашку в туалет, где тот поспешно задвинул щеколду и, приперев дверь чем-то изнутри, через перегородку ехидно заметил:

– Не устал, милоч?

– Голову отверну и скажу, что так и было, – дружелюбно пообещал Кочетков-младший, последовательно идя на таран преграды. – Вот только отколупаю тебя, морда наглая, и быстро вправлю мозги. У нас в Балаково именно так и принято, – бабах! штукатурка весело оседает на пол, – вот погоди.

– Да я-то подожду. Сейчас только помощь зала возьму, – пообещал загнанный в клозет Ивашка.

– Что? Драпаешь?

– Не драпаю, а стратегически отступаю, – резонно донеслось из ватерклозета.

Пашка притормозил со штурмом и слушал, как из-за двери послышался писк мобильного телефона. Сопляк явно пытался кому-то отзвониться, подтянуть тяжелую артиллерию, однако то ли сигнал в туалетной комнате был слабоват, то ли сама артиллерия спешно отбыла на маневры, но после третьей попытки Ивашка решил выбросить белый флаг.

– Сдаюсь, – честно признался он. – Был не прав. Погорячился. Приношу свои извинения и готов компенсировать мерзкое поведение массой ништяков и вкусняшек.

И тут Кочетков решил схитрить.

– Вылезай, мелюзга, не трону. Ущерб по мебели и посуде сам хозяйке будешь компенсировать. За это обещаю не вырывать руки и не менять параметры лица касательно эталона.

– Договорились, – последовал мгновенный ответ, и, завозившись, Ивашка убрал преграду, а затем и приоткрыл дверь.

– Соврал, – Кочетков действовал молниеносно. Такой скорости Петров от него не ожидал, да и сам Пашка от себя, к слову, тоже. В мгновение ока Петров повис над полом, отчаянно болтая ногами и оглашая округу призывными криками о помощи. Так продолжалось с минуту. Кочетков держал поверженного противника за воротник рубашки, а тот, извиваясь всем телом и обогащая Пашкин провинциальный лексикон различными идиоматическими выражениями, показывал все свое неприятие сложившейся ситуации. Потратив добрую часть энергии на матерную ругань, подустал и, будто безвольная марионетка, повис, с опаской поглядывая на своего противника.

– Бить будешь?

– Сначала хотел, – честно признался Кочетков. – Да я человек отходчивый. Мы, «деревня», обижаемся легко, однако и остываем тоже быстро. Так, поучу маленько.

Щелк! – богатырский щелчок по лбу потряс серое вещество Ивашки.

– Это тебе за наглость.

Щелк! – слезы, выступившие на глазах наглеца, подтвердили, что урок идет на пользу.

– Это тебе за самонадеянность.

Щелк! Заключительный поучительный щелбан ставил жирную точку в воспитательном процессе.

– А это просто так, чтобы помнил.

Поставив Петрова на пол, Пашка вкрадчиво поинтересовался:

– Не устал, милоч?

Надо отдать Ивашке должное, во время экзекуции он не проронил ни звука. Только болтался, как тряпка, да злобно тарачился на Кочеткова из-под бровей.

– Синяк будет, – ощутив твердую поверхность под ногами, второй квартирант начал приходить в себя и, потирая лоб, потопал на кухню, чтобы оценить ущерб. Едва Ивашка достиг поля брани, как снова разразился махровой нецензурщиной. – Батюшки, это сколько же бабла теперь вколачивать! Старуха появится, со света сживет, или того хуже, выставит в три счета на улицу.

– А тебе и поделом, – победоносно заявил Кочетков и, гордо развернувшись, проследовал в свою комнату.

Весь вечер Кочетков со злорадством вслушивался в возню и причитания поверженного врага, который, как мог, пытался прибраться на кухне. Звенели осколки посуды, слышалось кряхтение и стук. Ивашка, видимо, вознамерился реанимировать поломанную мебель и теперь вовсю колотил молотком, разгоняя испуганных тараканов. По натуре своей Пашка был парень добрый, однако такой наглости от человека младше и, по-видимому, глупее его он стерпеть не смог и теперь, находясь на седьмом небе от чувства собственного превосходства, шурился в экран мобильного телефона.

Угрызений совести молодой человек не испытывал, а вот мысли, смутные и мрачные, его почему-то мучили. То ли обстановка накладывала, то ли непривычно белые ночи за окном, однако нужно было ложиться спать.

В сон Кочетков провалился мгновенно, едва голова коснулась подушки, и снилось что-то тягучее, противное, невозпроизводимое в реальности. Вот бы проснуться, хоть в холодном поту, жадно хватая пересохшими губами воздух, озираясь, судорожно комкая в руках промокшее от пота одеяло. Нет, не отпускает сон, будто держит кто. Как больной, как в коме, как будто приковали наручниками и не дернуться, не побежать, не вздохнуть глубоко.

Яркий свет резанул по глазам, и это помогло Пашке вырваться из сонного сиропа, в котором он завяз настолько, что, может, и возврата бы не было, и первые несколько секунд, вскочив и прикрываясь одеялом, Кочетков пытался понять, что же происходит.

Дверь, ведущая в комнату, была распахнута настежь, свет в коридоре не горел, но яркий, разрывающий тьму пополам луч фонаря освещал крохотную коморку с кушеткой достаточно, чтобы увидеть следующее. В комнате, кроме Пашки, были двое. Ивашку Петрова опознать получилось сразу. Именно этот мерзавчик слепил фонарем, а вот второго человека распознать сразу не получилось. Выпученные глаза, всклокоченные волосы, безумные угловатые движения – за этой вычурной уродливой маской Пашка едва узнал свою квартирную хозяйку. Дальше же пошла такая петрушка, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Немолодая, во всех отношениях почтенная дама с жилплощадью, вела себя похуже наркомана в стадии ломки. Вытянув руки и издавая протяжный тихий вой, она мотнулась в сторону фонаря и, ловко выбив его

ногой, умудрилась подскочить, схватиться за дверной косяк и, используя его как турник, по касательной врезаться обеими ступнями в Ивашкино тельце. Петров, по натуре легкий, почувствовав внезапное ускорение, в мгновение ока скрылся из поля зрения, вслед за безвременно ушедшим фонарем, а уважаемая Прасковья Тихонова обернулась и недобро поглядела на своего второго квартиранта.

– Ну, что вы, право, убиваетесь, – почувствовав, что запахло керосином, Кочетков вскочил с койки и, выставив руки вперед, начал медленно отступать к окну. – Ну, поломали мы с Ивашкой немного, так завтра же все починим...

– Бу-бур-бан, – заявила домовладелица и, противно хрустнув шейными позвонками, приняла позу сломанной марионетки. – Бар-ша. Баааа...

Совсем спятила, видать, как ущерб увидела, решил Пашка. Несла дама околесицу, то бубня, то переходя на фальцет, и все это время, оскалив пожелтевшие от никотина зубы, осторожными шагами хищника подбиралась к Кочеткову. Ломаные движения, в один момент забавные, вдруг стали пугающими и опасными, взгляд из безумного начал казаться голодным, ненасытным, способным принадлежать кому угодно, кроме бизнес-вуман в очках. Свет из окна, неясный, пробивающийся из-за облаков выгодно подсвечивал белизну лица и скрюченные, будто сведенные в судороге, тонкие, аристократические пальцы.

– Прасковья Тихоновна, – вновь попытался привести в чувство даму наивный провинциал, – ну, я ведь правду го...

Досказать ему не дал мощный хук слева, и, пискнув, Пашка отшатнулся, больно ударившись затылком о стену. Прасковья Тихонова перешла в атаку окончательно и, выставив маникюр, кинулась к Пашке, разинув рот. Бить даму нехорошо, некультурно, однако к черту условности. Схватив нападавшую за кисть, Кочетков развернул ее, аккуратно, чтобы не повредить, и, крутанув обнаглевшую мадам, легонько толкнул ее в сторону выхода. Сил у парня было достаточно, так что «легонько» получилось внушительное. Затем последовал акробатический этюд в стиле лучших китайских боевиков. Прасковья Тихоновна, стабилизировав траекторию, вместо того чтобы вылететь в дверной проем, подскочила и, пробежав несколько шагов по стенке, вновь очутилась в тылу, начав атаку.

– Вниз! Вниз, говорю! – очнувшийся Ивашка влетел в комнату, размахивая фонарем и шокером. Оттолкнув Кочеткова, он врезал разрядом прямо в середину переносицы, между сросшихся бровей, квартирной хозяйке.

– Бар, гора анну...

– Да успокойся ты.

Отступив в сторону и прижавшись спиной к холодной стене, Кочетков с удивлением наблюдал за действиями соседа. Электрические разряды сыпались на Прасковью Тихоновну как из рога изобилия, неизменно адресуемые Петровым в голову, однако вместо того чтобы, как все приличные люди вследствие поражения электрическим током, упасть на землю и забиться в конвульсиях, та только пятилась и, шипя, несла околесицу.

– Чего стоишь? – взвизгнул Ивашка, уверенно отгесняя нападавшую к двери. – Сейчас я ее в коридор выгоню, а ты в туалет за шваброй. Под подбородок и к моей двери толкай... слышишь? Жить хочешь? Действуй!

Последние слова окончательно отрезвили и вставили мозги на место, и как был, трусы да тапочки, дождавшись, пока Петров произведет очередную электрическую экзекуцию, Пашка выскочил в коридор. Швабра нашлась быстро, с правой стороны от унитаза. Схватив ее, Кочетков поспешил вернуться и застал Ивашку за тем же занятием. Сопляк бил током пожилую даму, а та хрипела, пускала слюну и ни в какую не желала перейти в Ивашкину комнату.

– Ну?

– Что ну?

– Загоняй ее в комнату, говорю. У меня железная дверь, решетки на окнах. Очнется, только в путь, а пока время надо.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Пашка и, взяв швабру наперевес, в два приема отправил квартирную хозяйку в Ивашкину комнату. Петров удовлетворенно кивнул, кинулся следом и, поспешно зазвенев ключами, последовательно запер дверь сначала на верхний, ну а потом и на нижний замок. На секунду наступила тишина, а потом дверь сотряслась от мощного удара, хрупкой женщине в годах принадлежать никак не способного. Со стороны могло показаться, что в комнатухе заперся отряд спецназа и сейчас с помощью тарана пытается пробить себе путь к свободе.

Наступила тишина, нарушаемая шипением и пинками в стальную преграду, и теперь можно было перевести дух. Ивашка, утирая лоб рукавом, тяжело опустился на пол и, посмотрев на шокер, с омерзением отбросил его в сторону.

– А ты крепкий орешек! – заявил молодой хулиган. – Еще бы чуток, и все, приплыли. Не справился бы сам. Шокер, вон, разрядился, да и наша Прасковья Тихоновна что-то совсем взбеленилась.

– Иван, – Кочетков присел рядом, прямо на пол, и, вытянув ноги, оценил свой большой палец на левой ноге, – нам нужно серьезно поговорить.

– Вроде успокоилась? – Ивашка успел сгонять на кухню и, всучив Кочеткову бутылку пива, уселся рядом. – Вздоргнем? Так сказать, за то, что удача на нашей стороне, так пусть, болезная, там и остается.

– Пиво? – Пашка с сомнением взглянул на соблазнительно запотевший сосуд с пенным напитком.

– А что такого?

– Ну, вздрогнули!

Приспособив зажигалку как открывалку, Петров откупорил сначала одну бутылку, потом вторую и, отхлебнув, с наслаждением зажмурился.

– Ну, так что это было? – Пашка кивнул в сторону запертой двери?

– Это? – Ивашка скосил глаза и пожал плечами. – Вообще говорить об этом нельзя, подписку давал...

– А если подумать? – Пашка обозначил пальцы, собранные в очередной «шелбан».

– Ну, коли так, – косой взгляд переместился на кочетковскую руку, – то, пожалуй, можно. Один черт тебе никто не поверит. С чего вот только начать, ума не приложу.

– Начни с начала. Вот что это с ней такое? Она больная?

– Почему? По мне, так вполне здорова.

– Монстр?

– Это смотря с какой стороны посмотреть. Там, откуда она пришла, мы с тобой как раз оказались бы монстрами, а она – самой что ни на есть заурядной серой личностью.

– Тогда ничего не понимаю. Что значит «там, откуда она»? Прасковья Тихоновна не местная?

Ивашка с любопытством посмотрел на любознательно провинциала и вновь приложился к горлышку бутылки.

– Слушай, Павел. То, что я тебе расскажу, может показаться бредом, однако живое подтверждение моих слов сегодня ночью пробралось к тебе в комнату, чтобы полакомиться твоей спинномозговой жидкостью. Это не монстр, не урод и, уверяю тебя, с ее точки зрения, вполне нормальный человек. Прасковья Тихоновна Бурлакова – беженец.

– Если ты не перестанешь нести чушь, я тебя поколочу, – пообещал Пашка.

– Хорошо, – новый глоток пива, – тогда еще проще. Вот как ты думаешь, как бы могла сложиться жизнь на земле, если бы... ну, не знаю... – Ивашка на секунду замялся. – Гитлер не напал бы на Советский Союз, или не американцы, а китайцы первыми высадились на Луне?

– Тоже мне вопрос, – хмыкнул Кочетков. – История бы изменилась.

– Вот! – Петров многозначительно поднял палец вверх. – И ты это понимаешь. Теперь другой вопрос. Как бы, по твоему мнению, мог развиваться мир, если бы человеку для пропитания требовалась бы спинномозговая жидкость?

– Даже не знаю, – смутился младший.

– А я тебе подскажу. – Ивашка скроил хитрую физиономию и вновь присосался к бутылке. – Сначала были бы междоусобные войны, война за ресурсы. Параллельно бы развивались технологии, финансируемые крупными частными инвесторами и правительственными конторами, и под конец появился бы такой препарат, который пресловутую жидкость мог заменить.

– Сомнительно.

– Но как вариант возможно же?

– Допускаю, – охотно согласился Пашка, которого этот разговор начал уже забавлять. – Только я все не могу понять, что ты хочешь до меня донести. Блуждаешь все вокруг да около, а пока по голым фактам у нас запертая старуха, которая умом тронулась, и ничего больше. Была бы тут милиция, повязали бы нас с тобой за нападение с нанесением особо тяжких, и дядя бы мой не помог.

– Донести я до тебя хочу следующее, дурья твоя башка. Даже если Прасковья Тихоновна вдруг упадет с крыши и свернет себе шею, родственники ее не хватятся, социальные работники не начнут обрывать телефон, и попади она в морг, не будет опознана ни по одной из имеющихся баз. Все это не потому, что она на фиг никому не нужна. Просто она не отсюда. Понимаешь? Не от-сю-да, – последнее слово Ивашка произнес нарочито по слогам. – Она из параллельной вселенной.

Трель дверного звонка резанула по ушам и прозвучала так резко и неожиданно, что Пашка поначалу испугался.

– Спокойно, кавалерия подросла, – авторитетно заявил Ивашка и, брякнув доньшком бутылки об пол, поспешил отворить дверь.

Да уж, видел Кочетков здоровенных мужиков, но тот, что появился в дверях, мог бы дать фору любому богатырю. Бороду бы ему еще, взгляд прищуренный и кольчужные рукавицы – и перед тобой былинный герой. Нипочем ему ни Соловей Разбойник, ни Лихо одноглазое, ни Кощей Бессмертный. Впечатление слегка портил наряд здоровяка. Ну, какой Алеша Попович обрядится в кожаную куртку, джинсы и веселые кеды невероятного размера, усадит на нос очки со стеклами-хамелеонами и будет слоняться по городу? Его же в былинах засмеют, дураком выставят!

– Танк, ты кстати, – радостно закивал Петров, пропуская гиганта в один миг сжавшийся и уменьшившийся коридор. Проникнув в квартиру боком, исполин сначала взглянул на оторопевшего Кочеткова, затем на дверь и, не теряя времени, отправился на кухню, откуда тут же вернулся с бутылкой пива. Особо не заморачиваясь на условностях, Танк подцепил крышку ногтем и, осторожно понюхав горлышко, вдруг запрокинул голову и ударными темпами осушил бутылку.

– Что у нас? – пробасил он, вытирая рот и аккуратно ставя стеклотару в угол.

– Стандартная история. – Ивашка погрел связкой ключей. – Беженец, реальность тридцать шесть. Нарушение правил пребывания. Находится на легальном положении. Имеет недвижимость в собственности. В реальности ноль появилась пять лет назад после начала конфликта на родине. Подавляющими препаратами, очевидно, с какого-то момента начала пренебрегать.

Я ее, бесовку, полгода разрабатывал, сразу после двух всплывших в районе глухарей. Менты на неблагополучный район и на маньячину списывали, ну а мы-то, знаем, что делать.

– Посмотрим. – Отняв у Ивашки ключи, Танк отпер дверь и уверенно шагнул в темноту комнаты, где притаилось адское существо. Послышалась возня, бормотание, потом что-то мягкое в твердой оболочке соприкоснулось с аналогичным, и, захлопнув за собой железную дверь, богатырь согласно кивнул: – Я ей транквилизатор ввел. Работаем по схеме один. Сейчас группу вызову, – и, достав телефон, отправился разговаривать на кухню.

– Танк? – Пашка удивленно кивнул в сторону на миг заслонившей дверной проем фигуры гостя. – Вот так прямо и танк?

– Ага, – довольно подтвердил Ивашка. – Оперативный работник шестьдесят второго отдела. Псевдоним Танк. Настоящего имени не знаю.

– А что ты по поводу параллельного мира мне вкручивал?

– Да то и вкручивал, – вдруг разозлился Ивашка. – Я эту стерву шесть месяцев пас. Жил в этой халупе, даже дверь за собственные деньги вставил, а старая карга заявила, что, мол, ей она в квартире без надобности, так что сумму покупки из квартплаты вычитать не будет. Еле в отделе договорился, чтобы компенсировали как накладные расходы.

– Так, мы отвлеклись. – Кочетков сделал солидный глоток пива и поднялся с пола.

– Ну, ладно, – Петров изобразил на своем лице вселенскую скорбь и даже попытался закатыть глаза, однако вышло это скорее смешно и ничего, кроме улыбки на губах, у Пашки не спровоцировало. – Если вкратце, то мы, то есть население Земли, как бы тебе сказать, не одни. Есть еще бесчисленное количество таких же вот земель, с той лишь разницей, что что-то у них от нас отличается. Где-то, к примеру, нет Красной площади в Москве, Америка выиграла войну во Вьетнаме, а Кубинский конфликт перешел в ядерное противостояние, повлекшее за собой уничтожение львиной доли населения земного шара. Однако это цветочки. Ягодки начинаются, когда мы начинаем проводить параллели и выяснять различия в физиологической, анатомической и химической особенности представителей хомо сапиенс параллельных миров. Где-то население от нашего не отличается. Воруют, любят, напиваются в дрова, разбивают дорогие машины и устраивают карнавалы. Однако попадаются и такие, что в корне не похожи на нас с тобой.

– Бред какой-то, – покачал головой Кочетков. – Если бы не ночной инцидент с нашей милейшей квартирной хозяйкой, прямая бы тебе дорога в дурдом.

– Я же говорил, что не поверишь, – оскалился Ивашка.

В этот момент Танк закончил разговор и вновь появился в коридоре, скрав своим появлением большую часть свободного пространства.

– Парень, – обратился он к Пашке, – то, что ты видел, только в книжках и можно прочитать. Скажу одно. Забудь и наплюй, выпей водки, сними девочку и даже не старайся разобраться в том, что произошло.

– Почему? – удивился Кочетков.

– На это есть несколько причин, – охотно пустился в разъяснения оперативник. – Ну, во-первых, это не твое дело. Люди занимаются работой, ты в их дела не лезешь, и все в порядке. Ты, конечно, можешь пуститься в изыскания, начать кричать на каждом углу, что на тебя напала дама в летах и пыталась высосать твою спинномозговую жидкость. Возможно, на тебя обратят внимание газетчики, в лучшем случае ты выступишь на телевидении в какой-нибудь передаче для фриков, но большая часть разумного населения будут относиться к тебе как к блаженному.

– Но есть же доказательства! – попытался возмутиться Пашка.

– Какие? – иронично поинтересовался у собеседника Танк.

Кочетков на секунду задумался и пришел к неутешительным выводам. Нападение свихнувшейся старушки не удалось, а следовательно, и предъявить нечего. Если она такая вся

из параллельной вселенной, то наверняка, если хорошенько обыскать комнаты, можно найти странные вещи. Хитрая Ивашкина морда, впрочем, красноречиво говорила о том, что уж он-то точно постарается замести все следы.

Дверной звонок снова затрещал, и Танк впустил двоих в белых халатах.

– Нарушение протокола пребывания, попытка нападения на гражданского, – сухо пояснил он вновь прибывшим. – Стандартная отработка по депортации и в черный список. Поняли?

Парни в белых халатах согласно закивали и направились в комнату, откуда очень скоро вывели под руки недавно буйствующую, а теперь спокойную и кроткую Прасковью Тихоновну. Пашка удивленно смотрел, как та, затравленно озираясь, спешно перебирает ногами, а здоровенные санитары нежно, почти по-родственному придерживают ее под локоток. Странно, страшно, почти жалко ее, но нет. В голове Кочеткова ярким пламенем вспыхнул образ ее перекошенного лица, нависшего над ним, до этого мирно посапывающим в кровати, скрюченные пальцы и фактически ощутимый голод, и всю симпатию к арестованной будто рукой сняло.

– Что теперь с ней будет? – тихо, вполголоса поинтересовался он у Ивашки.

– Депортация, – пожал тот плечами. – Оформят документы и под зад.

– Так у них же там война, – напомнил молодой человек. – Или я что путаю?

– Нет, – остановившийся рядом Танк с интересом поглядывал на провинциала. – Не ошибаешься. Потому они и идут как беженцы, с облегченным режимом прохождения КПП и гражданством. Однако закон писан для всех.

Через несколько минут Танк попрощался и покинул квартиру вслед за санитарями, хлопнув дверью. Сработавший на двери английский замок щелкнул, запирая жилище, и Петров с Пашкой вновь остались одни. Разгром в маленькой съемной квартире при осмотре оказался нешуточным. Запертая в комнате Ивашки, плотоядная мадам порушила там все, что только можно, оставив только клочки от когда-то умного ноутбука и стереосистемы. Ивашка, стоя на пороге комнаты, с сомнением почесывал затылок, оглядывая последствия временного заключения противника на своей жилплощади, и тут ни с того ни с сего извинился.

– Ты уж меня прости, что я так нагло себя вел. Эти упыри, они ведь какие угодно могут быть, пока таблетки принимают от своего бешенства. Хамоватые, придирчивые, хитрые, но только не такие.

– Какие такие? – прищурился Кочетков.

– Ну, такие, – замялся вдруг Петров. – Такие, как ты. Вся их агрессия глушится химией. Я сначала решил проверить, тот ли ты, за кого себя выдаешь, вот и начал выпендриваться. Думал, что старуха себе подкрепление позвала.

– Ладно, замаяли для краткости, – решил парень, неодобрительно поглядывая сверху вниз на своего юного соседа. – Готов закопать топор войны, но в том лишь случае, если ты мне все расскажешь.

– Так я же тебе все рассказал! – удивился Ивашка, заметая в совок осколки дорогостоящих девайсов.

– Ну, это с какой стороны посмотреть. – Кочетков подошел к дверному проему и, подперев плечом косяк, скрестил руки на груди. – Пока что ты лепетал что-то про параллельные миры и всяких нехороших монстриков, желающих отхватить от честного налогоплательщика филей пожирней.

– Так вкратце все и есть, – охотно согласился Ивашка. – Конечно, не все они уроды моральные, ты уж мне поверь. Есть среди них и большие умницы, так или иначе попавшие к нам и осевшие плотно. Инженеры, программисты, творческая интеллигенция. Военные тоже попадают. Кого-то забросило случайно, кто-то пришел намеренно и по собственной воле. Некоторых заставили. В любом случае надо учитывать, что в этом мире мы не одни, и за стеной – так наши называют разлом в реальности – нам не особо и рады.

– Ой, темнишь ты, Ивашка, – покачал головой Кочетков.

– Да, темню, – вновь пошел на откровенные признания Петров, ставя на место порушенную злой дамой мебель. – Но и темню, потому что за окном хоть глаз выколи. Три часа ночи как-никак. Предлагаю следующий вариант развития событий. Все мы подустали, да и стресса хапнули на полгода вперед. Вот отдохнем, выспимся и тогда поговорим по душам.

– Да некогда мне с тобой по душам говорить, – Пашка покачал головой и с тревогой взглянул на наручные часы. – Завтра мне еще на работу новую.

– Знаю, – усмехнулся молодой человек. – Мне о тебе Библиотекарь сказал. Я когда понял, что ты и тот парень с вокзала – это один и тот же человек, не поверил. Потом немного смутило...

– Что смутило? – наострил уши Кочетков.

– Да квартира эта, – нахмурился Ивашка. – Она же в разработке была. Подозрение было, что хозяйка злоупотребляет гостеприимством нашей реальности и периодически не глушит себя лекарствами, а работает по старинке. Удобно, знаете ли. Поселить квартиранта, узнать, что он, как он, какие у него друзья и знакомые, и убедившись, что одинок и холост и не хватится никто, схарчить его, вприкуску с луком и сиренью.

– А трупы? – охнул Пашка. – Будут же трупы. Куда их девать?

– Да мало ли куда, – отмахнулся Ивашка. – Не нашего ума дело. Другое меня смутило. Позвонил Библиотекарь и сказал, чтобы я тебя как следует проверил, ну, на вшивость в смысле, чтобы ты прочувствовал на своей шкуре все прелести работы в отделе. Ну, я тебя просто подразнить решил, а тут наша бабуля возьми да и прояви себя во всей красе. Думаешь, ты бы с ней в одно лицо справился?

– Голову бы свернул, и всего делов.

– А труп?

– Да мало ли.

Кочетков и Ивашка в унисон расхохотались. Хорошая доза адреналина и шок еще блуждали по организму и требовали общения.

– Ну так что, – отсмеявшись, поинтересовался у Ивашки Кочетков, – прошел я эту, вашу проверку на вшивость?

– Поздравляю, коллега, – Петров протянул ладонь для рукопожатия. – Добро пожаловать в коллектив.

Позже Пашка думал над тем, почему все так сложилось, и нашел самый простой ответ. Его вели с вокзала, и, как вариант, по наводке любимого дядюшки. Старший Кочетков только на вид был мужчиной без затей, но в силу своей должности иногда вел двойную, а порой и тройную игру, и каким-то образом Драйвер попал в его поле зрения, а затем был рекомендован в отдел шестьдесят два загодя, где и решили проверить потенциального сотрудника. Отсюда вышла и встреча в опорном пункте с Ивашкой, и проверка в квартире, и прочие прелести.

Первый день на новом месте работы начался совершенно буднично, хотя Кочетков ожидал от шестьдесят второго отдела совсем другого. Стандартные столы со стульями, старенькие компьютеры с пузатыми мониторами, да потертый линолеум на полу. В любом ведомственном учреждении подобная картина привычна, но в представлении Пашки, шестьдесят второй должен был выглядеть иначе.

С Библиотекарем ему встретиться не пришлось, его до главы отдела просто не допустили, а вместо этого охранник у входа вновь затребовал слюну, на этот раз милостиво пояснив:

– На анализ. Меняет цвет – значит, ты не из нашей реальности. Тест простейший...

Объяснить сам процесс дежурный не удосужился, а вместо этого направил новоиспеченного Драйвера напрямую в отдел кадров, где его встретил сухой, как богомол, тип в черной рубашке и мятых брюках. Посадив Пашку за стол, он велел ему заполнить анкету, снял отпечатки пальцев. Что удивительно, не только с рук, но и с ног, а заодно сфотографировал его уши.

– Это, – охотно пояснил кадровик, – если тебя нужно будет опознать. Чуть попозже привезут оборудование, мы у тебя и прикус снимем, и спектр радужки.

– Вот хотелось бы без опознавания, – занервничал Кочетков от такой перспективы, но богомол уже подсовывал ему бумаги.

– Это, распишись, где галочка, неразглашение. Это типовой договор на испытательный срок. Ты же у нас как вольнонаемный идешь? В гараж.

– Ага, – кивнул Пашка, оставляя размашистую закорючку в нужном месте.

– Ну и чудно, – закивал сотрудник отдела кадров. Делал он все нарочито торопливо, как бы стараясь побыстрее избавиться от рутинной работы и выставить визитера за дверь. – Временный пропуск оформим на тебя со следующей недели, а пока потрудись носить с собой минимум паспорт, иначе не пустят.

– Все?

– Ну, почти.

Сложив все документы в папку, «богомол» вопросительно взглянул на Кочеткова.

– Оперативный псевдоним, пожалуйста? Библиотекарь же вас, наверное, предупреждал. Весь обслуживающий персонал, так или иначе взаимодействующий по службе с опергруппой, имеет оперативный псевдоним. По моим данным, вы на служебный автомобиль, так что будете людей по городу возить на задания.

Пашка назвал псевдоним, и тощая папка с веревочными завязками, получив гордое имя Драйвер – неплохо для куска картона! – была убрана в сейф.

– Теперь на медкомиссию, – резюмировал кадровик, мигом потеряв интерес к своему гостю. – Третья дверь направо. Там санчасть. Вот бланк, подпишите у нашего хер дохтера и принесете мне. Свободны.

Кабинет врача нашелся без труда. Осторожно постучав в дверь, Кочетков проник в чертоги порядка, чистоты и белых потолков. Врач, такой же худой, как и «богомол», однако, что странно, расположил он к себе больше, чем предшественник. Если в отделе кадров Драйвер чувствовал себя неуютно, сидя на мягком стуле как на иголках и то и дело поглядывал на часы, то у эскулапа ощущение дискомфорта развеялось, как дым, несмотря на нагромождение странных приборов и медицинских инструментов неизвестного предназначения.

– Раздевайтесь, – радостно улыбнулся худощавый эскулап, да так, будто не пациент перед ним был или коллега, а напротив, старый верный друг. Это, наверное, и подкупало.

Пашка послушно расшнуровал ботинки, повесил на спинку стула куртку и начал скидывать брюки.

– Трусы оставлять?

– Оставляйте, вы не у венеролога, – довольный смешок эскулапа, очевидно, свидетельствовал о том, что он пошутил. – Корью, свинкой, скарлатиной в детстве болели?

Осмотр, собственно, был самым рутинным. Доктор послушал дыхание, простучал, прощупал и промял всего Кочеткова, начиная от головы и заканчивая нижними конечностями, померил давление, попросил подышать в трубочку на предмет паров алкоголя и, шлепнув на принесенный Пашкой бланк печать, отправился за ширму, стоящую в дальнем углу. Несколько минут оттуда слышалась возня, а затем доктор появился, сжимая в руке устрашающее приспособление, больше похожее на пистолет.

– Что это? – ахнул Кочетков, наблюдая, как хозяин кабинета уверенно шагает в его сторону.

– Простейшая процедура, – вновь лучезарно, показав ряд ровных жемчужного цвета зубов, пояснил доктор. – Чипование.

– Нафига? – не смог сдержаться Пашка. – Я же вам не собака, чтобы меня чиповать.

– Это необходимо, – пожал плечами эскулап. – Датчик передает ваш пульс, кровяное давление, присутствие в организме веществ, способных навредить, и прочее. Функций там

много, и все они полезны. Но главное, по датчику всегда можно определить, где вы находитесь, в независимости от самого мира. Случатся командировки к параллельщикам, тогда будете меня благодарить.

– Да не буду я ставить эту дрянь, – начал отпираться Кочетков. – Ну, ей богу, мы так не договаривались.

Вместо ответа доктор перевернул бланк, на котором Пашка собственноручно оставил автограф, и постучал пальцем по нужному пункту.

– Ознакомьтесь, любезный, если до сих пор не удосужились.

Потирая плечо, в котором поселилось хитрое инородное устройство, Пашка заскочил в отдел кадров, а затем был переправлен в гараж под надежную опеку местного механика Митрича. Встретил мужик его дружелюбно, но настороженно и тут же с порога засыпал вопросами.

– Откуда ты такой взялся, красивый?

Вытерев руку о комбинезон, механик сжал пятерню Кочеткова.

– Да вот, – развел руками тот. – На работу к вам устроился.

– Город-то хорошо знаешь? – ехидно поинтересовался Митрич. – Мне вроде сказали, что приезжий ты, а у нас не поселок, пока из одного конца в другой проедешь по пробкам, не один час пройдет.

И тут Пашка понял всю абсурдность ситуации. Города он действительно не знал и решительно не представлял, как будет действовать на выезде, в плотном трафике мегаполиса.

– Да ладно, сдрейфил?! – обрадовался Митрич, толкая дверь в гараж. – Но не трусь. Шестьдесят второй отдел на всякое барахло богат. Параллельщики, из тех, что легальные, нам свои технологии поставляют, так что тебе остается только на кнопки жать, а аппарат сам все сделает. Тут скорее не ездить, а летать и не обделаться уметь надо.

Гараж тоже оказался обычный, однако идеальный порядок и чистота боксов, поддерживаемая Митричем, Кочеткова приятно поразили. Ни пятен масла на полу, ни разбросанной по углам грязной ветоши, испачканной в ГСМ. Вот только комбез механика был не идеально чист, но, наверное, мужику некогда было менять и стирать рабочую одежду. С кадрами в отделе были проблемы, и не потому, что механиков на рынке труда найти было сложно. Тут был важен подход самого зампотеха, который даже на пушечный выстрел не подпускал к своей конюшне посторонних.

– Полезешь под капот, – предупредил он Пашку, – руки оторву. Все у меня в исправности. Если машина заглохла – значит, бензин закончился, и никак иначе, – сказано это было столь категорично, что Пашка решил это взять себе за основу.

– Парк у нас разный, – продолжил механик, ведя новичка по гаражу, – от машин представительского класса до наших, служебных, для экстренных выездов.

Парк тоже был примечательный, и гаражный комплекс вмещал пять кузовов различной модификации. Первым в глаза бросился черный мерседес представительского класса с наглухо затонированными стеклами. Кургузый зад и матовые диски придавали силуэту некую хищность, как будто большой черный зверь затаился перед прыжком и сейчас, выпрямившись звенящей пружиной, ринется вперед, украсив морду звериным оскалом.

– Пугало, – отмахнулся Митрич от поблескивающего под лампами дневного света чуда немецкой автомобильной промышленности. – Для официальных встреч. Бензину жрет прорву, а проходимость в ноль. На нее даже джамп-двигатель не думали ставить. Поцарапаешь при операции, потом тонну бумаги на рапорта изведешь.

– Джамп-двигатель?

– Ага. – Митрич подошел к достопамятному москвичу, за рулем которого совсем недавно восседал Дварф. – Вот наше все, универсальное средство передвижения.

Механик вальяжно облокотился на старенький аппарат, и тот, просев, умоляюще скрипнул рессорами.

– Самое замечательное в этом корыте, – снова любовное похлопывание по кузову, – что встал параллельный движок, без каких-либо доработок. Выбросить, правда, пришлось много чего, но основное подсоединилось с минимальными доработками.

Откинув капот москвича, механик весело подмигнул Кочеткову.

– Любишься, малец, на чудо враждебных технологий. Двигатель внутреннего сгорания с коэффициентом полезного действия, равным девяносто двум процентам. Расход такой, что хочется петь и плясать, а если начать внедрять такое в производство, то все нефтяные компании по миру пойдут с протянутой рукой.

Пашка перевел взгляд с ухмыляющейся физиономии Митрича в подкапотное пространство и обомлел. Да, безусловно, если сильно постараться, то в продолговатом серебристом куске металла, спрятавшемся внутри автомобиля, можно было угадать двигатель, однако привычных свечей зажигания, высоковольтных проводов или катушки при детальном осмотре не нашлось. Не нашлось и маслозаливной горловины. Единственное, что оказалось штатно, так это трасса топливопровода, идущего от бензонасоса, но на этом все и заканчивалось.

– Работает пес знает как, – честно признался Митрич новому водителю, – однако штука замечательная. Бензин туда заливали в прошлом году, так до сих пор стрелка до половины не доползла. Одометр уже успел очуметь, а уровень горючки на высоте.

– И откуда у вас такое богатство? – Кочетков осторожно, почти с опаской, провел ладонью по гладкой поверхности иноземного чуда.

– По бартеру достался, – хмыкнул механик. – Они нам двигатель, мы им ракетный окислитель. Парни говорили, что эти чудики параллельщики его в коктейли добавляют. Штырит их, видите ли.

– Да, – Пашка восхищенно покачал головой. – А что с полетами?

– С чем? – нахмурился хозяин гаража.

– Ну ты же говорил вроде, что и город знать не обязательно.

– Ах, ты об этом? – Митрич скроил хитрую физиономию и, открыв водительскую дверь, плюхнулся на сиденье. – Дуй сюда, салага, сейчас тебе будет первый и последний инструктаж.

Пожав плечами, Кочетков уселся на пассажирское сиденье, и взгляд его тут же задержался на странной приборной панели. Вместо привычных приборов, она была наглухо закрыта черным, в цвет антрацита, стеклом.

– С виду, торпеда как торпеда, – пустился в объяснения механик, – но стоит повернуть ключ зажигания...

Едва ключ был вставлен в замок и повернут, как приборная панель ожила. В мгновение ока по поверхности стекла пронеслась масса информации с такой скоростью, что человеческий глаз вряд ли смог ее воспринять, однако пляска цифр очень быстро прекратилась, и приятный баритон, раздавшийся откуда-то из-под руля, услужливо поинтересовался:

– Назовите, пожалуйста, режим.

– Вежливый, – оскалился Митрич, однако умная система иронии не поняла.

– Ошибка в режиме. Пожалуйста, назовите режим.

– Городской.

– Принцип следования?

– Штатный.

– Исполнено.

Как по мановению волшебной палочки, стекло приобрело прозрачность, и взгляду предстал обычный спидометр и прочая москвичевская ерунда.

– И все? – почти разочарованно поинтересовался Пашка. – Эдак любой компьютер тебе картинку нарисует.

– Подожди, – поморщился механик. – Сейчас. Самое вкусное, как говорится, на ужин. Машина, сменить режим.

– Принято. Назовите, пожалуйста, режим.

– Туннельный.

– Принцип следования?

– Джамп.

– Исполнено.

Стекло на приборке вновь мигнуло, и изображение на секунду сменилось рябью, но когда сигнал наладился, интерфейсное окно было не узнать. Спидометр с тахометром сменились чем-то вроде карты местности, больше смахивающей на городской пейзаж, однако черные жирные полосы, пересекающие местности, не походили ни на дороги, ни на линии метрополитена.

– Видишь? – указательный палец Митрича уперся в одну из таких линий. – Это туннели, пространственные лазейки. – Увидев, что Пашка открывает рот, чтобы задать вопрос, механик замахал на него руками: – Слушай, что говорю, и не перебивай. Передаю ровно то, что сказали, и ни словом больше. Я же в этом ни в зуб ногой. Пробовал, знаю, но вот какие там шестеренки вертятся, и кто дергает за ручки, понять не в нашем с тобой понимании. Так, сбил меня. – Митрич нахмурил лоб. – Вот о чем я тебе толковал?

– О пространственных лазейках, – охотно напомнил Кочетков.

– Точно. Есть такие. Оказывается, ими все опутано. Стоит задать координаты, просто назвав адрес. Машина вынимает из базы данных отправную точку и точку прибытия и проталкивает наш москвиченок по наиболее короткому маршруту. Есть, конечно, риск при выходе из туннеля приземлиться на дорогу иномарку, однако система контролирует посадку с помощью двух двигателей на днище кузова. Тебе всего-то и надо, что с помощью руля выбрать свободное место и аккуратно припарковать вверенную тебе технику.

– А если увидит кто? – нахмурился Пашка. – Виданное ли дело, летающая колымага.

– С этим не проблема, – просто пожал плечами механик. – Увидит – значит, увидит, однако пусть треплет, сколько ему заблагорассудится. На машине ведомственные номера, вскрыть капот нереально, там хитрющий замок, а под брюхо никто и заглядывать не будет. Дел только не натвори, а уж остальное, если шум поднимется, то урегулирует Библиотекарь.

– Дела! – Пашка восхищенно покачал головой.

– Митрич, – молодой лейтенант опасливо шел по гаражу, озираясь по углам, – Митрич, ты где? Новенький с тобой?

– Ну, со мной. – Механик вылез наружу и, скрестив руки на груди, вопросительно взглянул на гонца.

– На выезд, – стараясь не встречаться с мужиком взглядом, пояснил полицейский. – Кали треба до вокзала довести. Дежурка готова?

– Она всегда готова.

Вытащив из замка зажигания связку ключей, Митрич протянул ее Кочеткову и сочувственно похлопал по плечу, будто не на выезд провожал, а прощался.

– Кали? – удивленно прищурился Пашка.

– Ага. Оперативник. Бой баба. Дело свое знает, однако стерлядь знатная. Ты с ней особо не разговаривай, и все будет в порядке.

Через пять минут Пашка вывел москвич из гаража и, не глуша двигатель, принялся ждать появления загадочной особы. Машина слушалась на удивление хорошо, резво завелась и плавно стронулась с места. Выкатив за ворота, неторопливо остановилась около поребрика. Пассажирка себя ждать не заставила, быстро спустилась по ступенькам и упала на пассажирское сиденье.

– Новенький?

Волосы, собранные в хвост, хищный мейкап, ботинки с высоким берцем, осторожно обхватывающим изящные лодыжки, и черная кожаная куртка со множеством карманов.

– Ага. Драйвер меня зовут...

– ...Иииииии... – демонстративно зажав уши ладонями, Кали выдала звонкую трель сломанного патефона. Накричавшись и отняв руки от ушей, она с иронией оглядела нового сотрудника отдела. – Мальчик, – четко, почти по слогам произнесла она, – когда я говорю, ты отвечаешь односложно: да или нет. Еще лучше, если просто киваешь. Какое у тебя погоняло в отделе, мне до фонаря. Ты рулишь, я делаю работу. Понятно?

Пашка кивнул, чем вызвал на лице Кали улыбку кобры, застывшей перед атакой. Наверное, змеи не улыбаются, но если бы могли, то выглядели бы примерно так.

– Гони до Витебского. Только быстро.

По дообеденному времени, улицы большого города еще не были перегружены, так что вопреки своим собственным ожиданиям Кочетков решил воспользоваться навигатором и достаточно быстро доставил Кали до точки назначения. Припарковавшись в переулке, он заглушил двигатель, и девушка, обронив на ходу: «Жди», – покинула салон автомобиля. Сколько ждать и что делать, если Кали не появится, Пашка решительно не представлял, а спросить было не у кого. В машине не обнаружилось ни рации, ни другого передающего устройства. Было скучно, а что делают люди, когда им нечем заняться? Правильно, начинают заниматься всякой ерундой.

Вытащив из кармана мобильник, Пашка потратил некоторое время на игры, которые достаточно быстро ему надоели. Затем он запустил навигатор и от нечего делать стал просматривать список ресторанов и закусочных в ближайших окрестностях. Давешний завтрак был уже переварен, а обеденное время еще только маячило на горизонте. Закончив с обзором точек питания, Кочетков переключился на окружающую действительность, и она ему не очень понравилась. Вокруг все куда-то торопились, нарочито избегая встречаться взглядами. Серая одежда взрослых перемежалась крикливыми пестрыми куртками подростков. Кеды проносились мимо туфель на высоком каблуке, кепки расходились с фетровыми шляпами, и потоку этому не было конца. Казалось, окружающим было наплевать друг на друга. Вот произойдет несчастье, станет кому-то плохо, и незнакомец, схватившись за сердце, медленно, будто куль с мукой, осядет на заплыванный асфальт, а людской поток так же быстро и целеустремленно, обогнув несчастного с двух сторон, продолжит свой путь, вычеркнув человека, как ненужную строчку в биографии.

– Трогай, болван, – появление Кали было неожиданным и даже приятным. Затягивающая Кочеткова пелена безразличия и всеобщей апатии развеялась, как дым, а вместо нее возник укоризненный взгляд и брезгливо сжатые губы. Так-то лучше, так-то и жить, наверное, проще.

– Почему болван? – Пашка повернул ключ в замке зажигания.

– Хвост. Да не крути ты головой, отвяжется. Серебристый ниссан.

– Не хочешь пояснить?

Аккуратно вывернув с места, Кочетков увидел, как с противоположной стороны улицы тронулся серебристый автомобиль и, быстро развернувшись, аккуратно покатил вслед за москвичом.

– Не хочу, – отрезала оперативница. Сверток на ее коленях был аккуратно запакован в бумагу и перевязан с двух сторон бечевой, из-за чего походил на мультяшный узелок, в котором ежик нес варенье медвежонку. – Да и не твое это дело.

– А делать, делать-то что? – Пашка уверенно вжал педаль акселератора, и не в меру резвое чудо отечественной промышленности с дьяволом под капотом, стремительно набирая темп, понеслось по проулку в сторону Московского проспекта.

– Даже не знаю, – Кали, казалось, первый раз за все это время была смущена. – Обычно либо нападают, либо просто садятся на хвост, и незаметно – так, чтобы объект слежки и не почуял. Эти же ребята ведут себя совсем по-иному, почти афишируют свое присутствие. Кати пока в центр, а там разберемся.

Немного поблуждав по городу, Кочетков выбрался на гостевой проспект и погнал автомобиль в сторону Сенной. Проскочив перекресток, где в будке дремал госавтоинспектор, и миновав институт, он влился в оживленное дневное движение и, пристроившись в потоке за кургузым внедорожником, начал проталкиваться в исторический центр. Серебристое импортное авто не отставало, однако водитель сблизиться не пытался, и ниссан, лениво ворочая колесами, держался корпуса за два до служебной машины.

– Может, показалось? – решил внести свою версию происходящего Пашка, однако Кали на него так посмотрела, что слова застряли в горле.

– Это твой пубертатный возраст тебе показался, – язвительным тоном пояснила она. – Хвост – значит, хвост, знать бы только, кто.

Оперативница оказалась права. Кочетков перестраивался из ряда в ряд и пару раз даже заворачивал в крохотные извилистые улочки, однако только ему казалось, что серебристый хвост отстал, как хромированная решетка радиатора преследователей, нагло ухмыляясь, снова появлялась в зеркале заднего вида.

– Оторваться?

– Это в городе-то, днем? Слушай, парень, а ты психиатра вообще прошел, прежде чем в штат зачислили?

Это уже было сверх всякой меры. Ну ладно, покровительственный тон или брезгливое выражение лица с тонкими, плотно сжатыми губами. Ну, пусть бравада по поводу своей опытности в жизни и деле, но хамство откровенное – этого Пашка стерпеть не мог. Вдавлив газ в пол, он сорвал аппарат с места, и тот, взвизгнув по крышкам, с дикой скоростью полетел по заполненному автомобилями городом. Ускорение дернуло, вдавив в кресло твердой рукой, да так, что кости затрещали. Картинка за окном замелькала, пытаясь слиться в один серый мазок, однако Пашка вел уверенно, ловко проскакивая между автомобилями и уверенно закладывая повороты. Пару раз пришлось даже воспользоваться ручником. Темп гонки потрясал, однако данный демарш не прошел незамеченным, и вскоре Кочетков услышал леденящий шепот Кали:

– Идиот, кретин, кусок дерьма! Мы же на всех камерах сейчас засветимся. Уже сегодня вся это микроблоггерская шушера выложит в интернет видеоролики прокачанного москвича, и город будет гадать, кто же сидит за его рулем. Мы не цирковые клоуны!

– Так оторвались же?!

– Ага, дожидайся.

Пашка удивленно взглянул на Кали и, снизив скорость, аккуратно вкатил – редкий случай – на спокойную улицу, и когда вновь взглянул в зеркало, то опешил. Серебристый ниссан, все так же ухмыляясь решеткой радиатора, вновь нарисовался в поле зрения.

– Параллельщики, – резюмировала дама на переднем пассажирском. – Другие бы не угнались.

– А теперь что делать?

– Давай во двор, – Кали кивнула в сторону темной арки метрах в трехстах вдоль по улице. – Там проезд узкий, мы впишемся, а эти индивиды почти наверняка застрянут. Вылезем на соседний проспект и зажмем их, пока будут сдавать задним ходом. Там проезд сужается только по второму колодцу.

– Хорошо, – уже менее уверенно, но все еще затаив лютую злобу на коллегу, неохотно согласился Пашка и, снова нажав на педаль акселератора, устремился к спасительному проезду. Машина ловко заскочила под каменные своды и, шелестя по крышкам, покатила вперед, высвечивая в полумраке колодца предстоящий путь. Выехав под первый кусок неба и солнца,

Кочетков начал озираться, однако вторая арка нашлась достаточно быстро. Вывернув руль влево, он бросил автомобиль туда, однако случилось непредвиденное. Вместо того чтобы проскочить в проезд и выбраться на оживленный проспект, он едва не столкнулся с выкатившим оттуда... Догадайтесь с трех раз: правильно, с серебристым ниссаном.

– Свяжись с базой, – процедила сквозь зубы Кали, отстегивая ремень безопасности, однако Кочетков решил по-другому. Не дожидаясь, пока оперативница откроет дверь и то же сделают преследователи, сидящие в иномарке, он рванул с места и, кроша в куски пластиковый бампер машины второго, с удивительной проворностью совершил тот маневр, который кроме как лобовая атака не назовешь. Начавшие открываться двери ниссана мгновенно захлопнулись, а на лицах мужчин на переднем сиденье отразилась смешанная гамма эмоций. Водитель дернулся, хотел было вновь стартовать, но, уверенно вращая колесами, москвич плотно впечатал кузов иномарки в узкий проход, замуравов в нем параллельщиков со всеми их дурными намерениями.

– Однако, – только и успела выдохнуть Кали, но задняя передача уже была включена. Собирая проклятия местных пенсионеров за расшвыренные в разные стороны комья земли с клумбы, Кочетков вывернул в арку и, оказавшись в переулке, на удивление резво влился в автомобильный поток. Больше серебристая иномарка в зеркале заднего вида не маячила.

После такого происшествия разумнее всего было выдвинуться на базу, что экипаж, по взаимному согласию, и сделал.

Вечером, когда Кочетков добрался до квартиры, его ждал сюрприз. Сам сюрприз выразился в виде новых дверных замков. Попытавшись открыть их старыми ключами и потерпев неудачу, Пашка был вынужден воспользоваться звонком. Едва его палец коснулся кнопки и первая трель прозвенела в коридоре, запоры шелкнули, и на пороге появился низкий лысоватый человек в помятом сером костюме. Вид у него был самый что ни на есть неопрятный. Грязная обувь и засаленный воротничок сорочки, а также крохи перхоти на плечах презентабельности человечку не добавляли, однако вид он имел уверенный и, строго поглядев на уставившегося на него Кочеткова, поинтересовался:

– Чем обязан, молодой человек?

– Да живу я здесь.

– Ах, вы второй квартирант! – Руки паршивца сложились в молящем жесте и на лице засияла радостная улыбка. – Тетушка мне о вас говорила.

– Тетушка, значит? – хмыкнул Пашка.

– Именно что тетушка. – Новый хозяин квартиры сделал шаг в полутьму коридора, пропуская молодого человека внутрь. – У нас, знаете ли, очень крепкие родственные связи и клановость. Как только дражайшая родственница покинула нас, права на наследование жилплощади тут же перешли ко мне.

– И что же из этого следует?

– А то, – усмехнулся пархатый. – Квартиру я сдавать вам отказываюсь, как, впрочем, и любому другому. Вы уж не обижайтесь, но у меня другие планы.

– Но позвольте, – опешил Кочетков. – Я же проплатил аванс за месяц вперед.

– Ну да, ну да... – на секунду замялся странный человечек. – Тут сложности, конечно, однако и это можно решить.

Вытащил из кармана мешковатых брюк пухлое портмоне, пархатый отсчитал несколько купюр и почти насильно всунул их в руку Кочеткову.

– Этого более чем достаточно. Прошу выбыть из помещения в трехчасовой срок.

– Я в милицию буду жаловаться! – взвился Кочетков, мигом представив себе, что крайний срок эвакуации из комнаты придется примерно на полночь. – Вы же меня на улицу в темноту и холод выставляете!

– В милицию можете жаловаться сколько угодно, – пожал плечами мужичок. – Документы у меня в порядке. И в шестьдесят второй отдел тоже. – Хитрый прищур карлика сменился маской неприязни и отвращения. – В любом случае юридически я чист, а как мне известно, договора у вас на руках не имеется, так что пакуйте вещи и прощу на выход, иначе я сам обращусь в соответствующие органы.

Пашка, по натуре не конфликтный, спорить не стал, а молча сунув в карман мятые банкноты, отправился в комнату паковать вещи. Положение складывалось неприятное. Работа уже имелась, а жилплощадь отпала. Быстро побросав в сумку нехитрые пожитки, Кочетков шагнул прочь и без особого сожаления покинул крохотную коморку, обсиженную клопами. Проходя мимо плюгавенького мужичка, Пашка взглянул на его ехидную физиономию.

– Зря ты так, паря. Тетка твоя, или уж не знаю, кто она тебе по-настоящему...

– Не хочу ничего слышать, – отрезал злобный карлик. – Выметайтесь.

– Как скажешь. – Хлопнув дверью, Кочетков быстро спустился по лестнице, где нос к носу столкнулся с поднимающимся Ивашкой.

– Ты куда на ночь глядя? – удивился Петров.

– Выставили.

– Кто?

– Новый хозяин.

От подобного известия у оперативного сотрудника Ивашки отпала челюсть, и несколько секунд он просто моргал, не в силах что-то произнести. Наконец дар речи вернулся, и, кивнув, юноша бросился вверх по лестнице, обронив на ходу:

– Погоди, сейчас разберусь.

Послышались торопливые шаги, потом шуршание неподходящих ключей и как следствие предсмертный хрип дверного звонка, после чего ситуация повторилась вновь. Отсутствовал Ивашка минут тридцать, после чего появился хмурый, стибаясь под тяжестью здорового рюкзака. Вещей он, в ходе ловли на живца, точнее на собственную персону, в квартиру притащил изрядно, и теперь, пыхтя и потея, эвакуировал свое имущество.

– Козел, – хмуро прокомментирован он. – Хорошо, что я мебель не стал доделывать.

– Хорошо, – согласился Пашка. – Так что делать будем? На улице-то уже темно.

– Хочешь, – добродушно предложил коллеге Ивашка, – можешь у меня переночевать. Денек перекантуешься, а завтра новую квартиру найдешь.

– А вот скажи мне, Ивашка, а что у вас по кликухам все? – Пашка снова задал вопрос, всплывавший недавно в кабинете строго руководителя шестьдесят второго отдела. – Будто не люди, а звери какие.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.